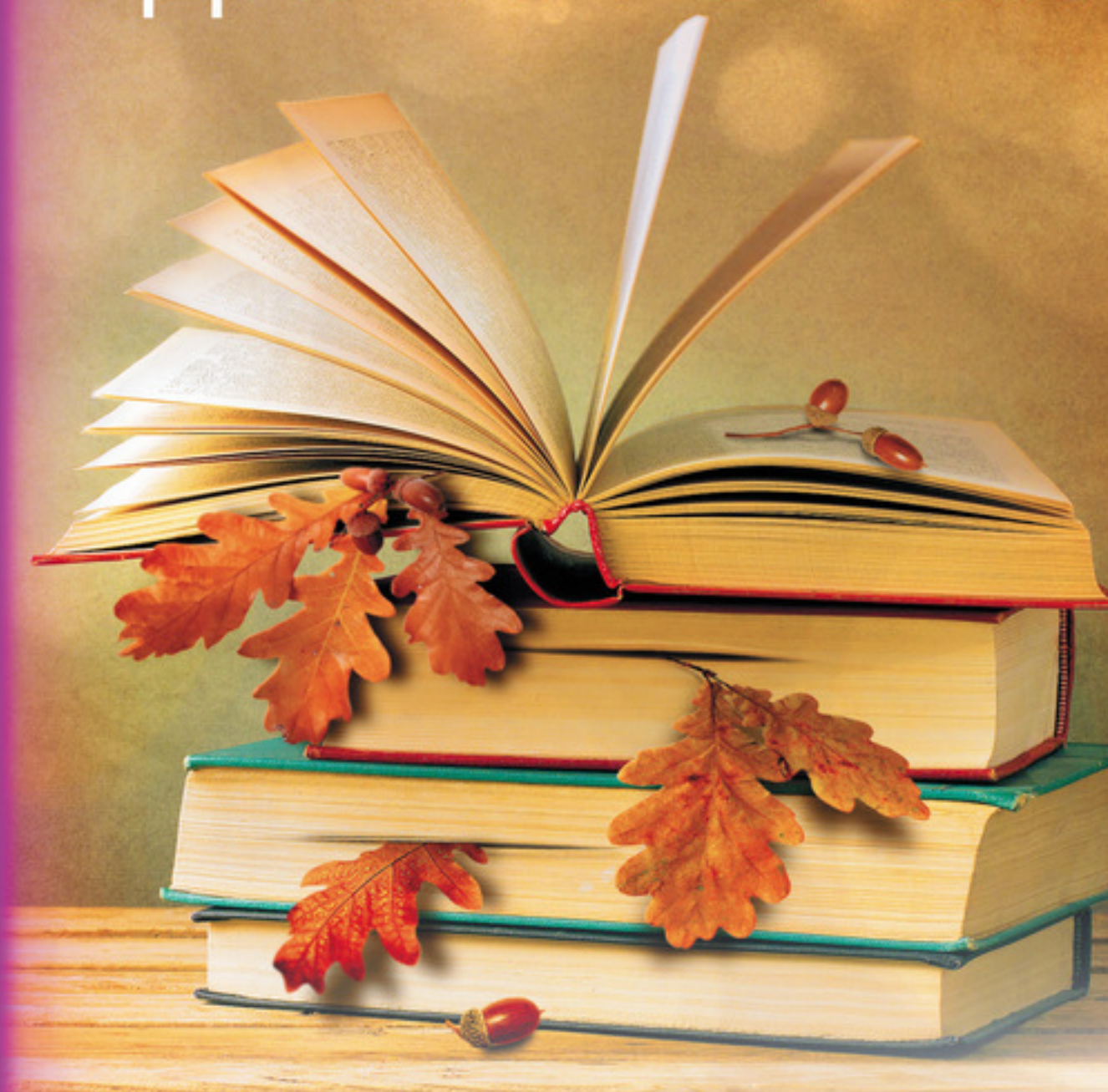

ДАЙ ИМ ШАНС!

КАТАРИНА
БИВАЛЪД

Катарина Бивальд
Дай им шанс!
Серия «Легкое дыхание»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11306054
Дай им шанс! : роман / К. Бивальд; [пер. с швед. Е. Хохловой]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-086638-0

Аннотация

Все началось с переписки двух совершенно не похожих друг на друга женщин – 28-летней Сары Линдквист из шведского Ханинге и 65-летней Эми Харрис из провинциального городка Броукенвил, штат Айова. Спустя два года обмена книгами, письмами и размышлениями о литературе и жизни Сара приезжает навестить Эми – и попадает на ее похороны...

Саре предстоит познакомиться с обитателями Броукенвила, о которых она так много знает из писем Эми, обрести настоящих друзей и узнать, что настоящая любовь существует не только в книгах, ведь люди ничем не хуже литературных персонажей – стоит только дать им шанс!

Содержание

Книги против жизни – 1:0	5
Новостной бюллетень Броукенвила	11
Всем известно, что шведские туристки приезжают в Айову в поисках мужа	17
Асфальт и бетон	20
Турист в городе	26
Книги и люди	28
Утешение в «Бриджет Джонс»	36
Взаимные услуги	44
Книжный магазин	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Катарина Бивальд Дай им шанс!

«LÄSARNA I BROKEN WHEEL REKOMMENDERAR»

by Katarina Bivald

Перевод с шведского *Екатерины Хохловой*

First published by Forum Bokförlag, Stockholm, Sweden

Печатается с разрешения Bonnierförlagen AB, Stockholm, Sweden и литературного агентства Goumen&Smirnova Literary Agency, Sweden.

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Сара Линдквист
Корнвэген 7-1
13638 Ханинге
Швеция

Броукенвил, Айова, 15 апреля 2009 года

Дорогая Сара!

Надеюсь, книга Луизы Мэй Олкотт «Старомодная девушка» доставит тебе удовольствие. Это очаровательная история, хотя в ней и больше морализаторства, чем в «Маленьких женищинах».

О деньгах не беспокойся. У меня за годы скопилось много экземпляров этой книги. И я рада, что у одной из них теперь будет новый дом. Тем более что ей предстоит совершить путешествие в Европу. Я никогда не была в Швеции, но уверена, что это очень красивая страна.

Разве не забавно, что книги могут путешествовать больше, чем их хозяин? Не знаю, забавляет ли это меня больше или пугает.

*С наилучшими пожеланиями,
Эми Харрис*

Книги против жизни – 1:0

Незнакомая женщина в Хоупе была такой невзрачной, что это раздражало прохожих. Щуплая и неприметная, она была одета в не по сезону теплую серую куртку. У ее ног лежал рюкзак, а рядом стоял гигантский чемодан. Жители, наблюдавшие ее приезд, не могли не отметить, что просто невежливо настолько не заботиться о своей внешности.

Незнакомка совершенно не старалась произвести хорошее впечатление. Волосы непонятного мышиного цвета были собраны в неряшливый хвост, плохо сдерживаемый заколкой, отчего несколько прядей падали на шею. Лицо скрывалось за томиком «Старомодной девушки» Луизы Мэй Олкотт.

Похоже, женщину несколько не волновало, что она была в Хоупе. Как-будто она просто перенеслась сюда по воздуху как была – с книгой, чемоданами, нечесаными волосами, – и вместо Хоупа это мог быть любой другой город на планете. Она стояла на одной из самых красивых улиц в округе Сидар, возможно, самой красивой во всей южной Айове, но все, что она видела, – это книгу.

Не то чтобы женщина вообще не смотрела по сторонам. Время от времени она отрывала серые глаза от книги, подобно луговой собачке в прериях, проверяющей, нет ли на горизонте опасности.

Книга опустилась еще ниже. Женщина посмотрела налево, а потом направо, стараясь при этом не вертеть головой, и снова скрылась за книгой, сделав вид, что погружена в чтение.

На самом деле Сара уже рассмотрела всю улицу до мельчайших деталей, чтобы хорошо все запомнить. Даже с книгой перед собой она видела, как вечернее солнце бликует на городских джипах, как аккуратно обрезаны кроны деревьев, как светится рекламная вывеска у парикмахерской в пятидесяти метрах от нее – заламинированная, в патриотических сине-бело-красных полосках. Отметила она и аромат свежее испеченного яблочного пирога, витающий в воздухе. Аппетитный запах шел из кафе у нее за спиной. Там же сидели несколько женщин средних лет, разглядывавших Сару с явным неодобрением. По крайней мере, именно так истолковала их взгляды Сара. Каждый раз, когда она отрывалась от книги, женщины хмурили брови и неодобрительно качали головами, словно показывая, что Сара нарушает все неписанные правила этикета, принятые в этом городе. Причем одним из таких правил был запрет на чтение на тротуаре.

Она достала телефон и нажала последний набранный номер. Прослушав девять гудков, Сара положила трубку.

Эми Харрис немного опаздывает. Наверняка для этого есть серьезные причины. Бензин кончился. Колесо спустило. Мало ли что бывает. Сара посмотрела на часы на дисплее. Опаздывает на два часа тридцать семь минут.

Нет, Сара не нервничала. Пока еще не нервничала. Эми Харрис писала настоящие письма на настоящей старомодной бумаге – плотной, сливочного цвета. Это абсолютно невозможно, чтобы человек, писавший письма на такой бумаге, мог бросить друга в незнакомом городе или оказаться серийным сексуальным маньяком-убийцей, что бы там ни говорила Сарина мама.

– Простите, милочка!

Возле Сары остановилась незнакомая женщина. У нее было то же выражение терпеливости на лице, какое Саре часто доводилось видеть у людей, вынужденных спрашивать Сару о чем-то несколько раз.

– Я могу вам помочь? – спросила женщина. В руке у нее был бумажный пакет с продуктами, из которого почти вываливалась банка с консервированным томатным супом «Хантс».

– Нет, спасибо, – ответила Сара. – Я жду друга.

– Неужели?! – притворно удивилась женщина.

Дамы в уличном кафе с интересом следили за ходом разговора.

– Первый раз в Хоупе?

– Мне нужно в Броукенвил.

Может, Саре показалось, но ответ женщину явно не удовлетворил. Консервная банка опасно подпрыгнула в пакете.

Подумав с минуту, женщина продолжила:

– Боюсь, Броукенвил – это скорее деревня, чем город. Вы кого-то там знаете?

– Я остановлюсь у Эми Харрис...

Тишина.

– Она наверняка уже едет, – сообщила Сара.

– Похоже, тебя кинули, милочка, – вздохнула женщина. – Но ты ей позвони.

Сара неохотно достала телефон и отступила на шаг, когда женщина наклонилась вперед, чтобы послушать разговор.

– Похоже, не берет трубку, – сказала женщина.

Сара убрала телефон.

– Что ты там будешь делать?

– Отдохнуть. Я собираюсь снять комнату.

– И сидишь тут одна, всеми покинутая. Не самое лучшее начало отпуска. Надеюсь, ты не оплатила аренду заранее.

Женщина переложила пакет в другую руку и поманила пальцем кого-то из кафе.

– Хэнк! – крикнула она единственному мужчине среди посетителей. – Подкинь девушку до Броукенвила, ладно?

– Но я еще не допил кофе, – фыркнул мужчина.

– Так возьми его с собой.

Мужчина что-то хмыкнул, но послушно встал и скрылся в глубине.

– Я бы на твоём месте, – обратилась к Саре женщина, – не стала сразу платить. Отдала бы деньги прямо перед отъездом домой. И хорошенько бы их прятала!

Она сопроводила свои слова кивком, от чего банка с томатным супом снова подпрыгнула.

– Не хочу сказать, что люди в Броукенвиле воры... – добавила она. – Но они определенно не такие, как мы.

Хэнк вышел из кафе с кофе в бумажном стаканчике. Сарины вещи были бесцеремонно закинута на заднее сиденье автомобиля, а Сару вежливо, но твердо усадили на переднее.

– Отвези ее, Хэнк! – попросила женщина, похлопав рукой по машине, нагнулась и добавила: – Если передумаешь – возвращайся к нам!

– Так значит, Броукенвил, – без всякого интереса констатировал Хэнк.

Сара сцепила руки на книге и попыталась изобразить спокойствие. В салоне пахло дешевым одеколоном и дорогим кофе.

– Что ты там будешь делать?

– Читать.

Хэнк покачал головой.

– Это отпуск, – пояснила она.

– Там видно будет, – ответил Хэнк. Тон его не сулил ничего хорошего.

Сара посмотрела в окно. Улицы превратились в поля. Машины исчезли. Дома сменились плотной стеной из кукурузы по обе стороны дороги. Асфальтовая дорога шла все время прямо. Однообразный пейзаж усыплял. Время от времени ее пересекали другие, тоже пря-

мые дороги, как будто кто-то когда-то наметил их на плане линейкой под прямым углом. Впрочем, почему бы и нет, подумала Сара. Потом дорог стало меньше. И вскоре стало казаться, что вокруг одни только кукурузные поля, простирающиеся на километры.

– Недолго осталось, – сообщил Хэнк. – Мой приятель оттуда. Продает страховки в Де-Мойне.

Сара не знала, что на это ответить.

– Здорово, – выдавила она.

– Ему нравится, – продолжил Хэнк. – Гораздо лучше, чем содержать ферму в Броукенвиле, вне всяких сомнений.

Пояснять свою мысль он не стал.

Сара наклонилась вперед, ожидая увидеть город, описанный в письмах Эми. Она столько читала про Броукенвил, что казалось, что мисс Энни сейчас покажется из-за угла на мопеде, а на обочину выйдет Джимми со свежим номером своей газеты. На мгновение Саре показалось, что именно это она и видит, но затем картина рассеялась в пыли. Среди кукурузы мелькнуло деревянное строение и тут же скрылось, как будто его и не было. Единственный дом за полчаса поездки.

Будет ли город таким, каким она его представляла? Сара даже забыла о тревоге из-за того, что Эми ее не встретила. Все, о чем она думала, – это город.

Но оказалось, что Сара могла легко пропустить Броукенвил, если бы Хэнк не замедлился. Город внезапно возник рядом с трехполосной дорогой. Здания были такими низкими, что почти сливались с асфальтом.

Главная улица состояла из десятка домов с обеих сторон. Причем большинство казались покинутыми. Серые, с темными окнами, они одиноко стояли в лучах заходящего солнца. У магазинчиков были забиты окна. Только одна закусочная работала.

– Что будешь делать? – спросил Хэнк без интереса. – Или отвезти тебя обратно?

Сара оглянулась по сторонам. Закусочная была открыта. Слово «Diner» светило красным неоновым светом. За столом у окна сидел одинокий мужчина.

Сара отрицательно покачала головой.

– Как хочешь, – произнес Хэнк таким тоном, словно говорил: «Потом не жалуйся».

Сара вышла из машины, достала свой багаж, не выпуская зажатой под мышкой книги, и закрыла дверцу. В ту же секунду Хэнк тронулся. Резко развернувшись на единственном светофоре в городе, подвешенном над улицей и показывавшем красный, он помчался обратно в Хоуп.

Сара осталась стоять перед закусочной с чемоданом в руке, рюкзаком на плече и с книжкой под мышкой.

Все будет хорошо, сказала она себе. Ничего страшного не случилось... Она поправила себя: никаких катастроф не может случиться, пока у тебя есть деньги и книги. У нее хватит денег на гостиницу, если возникнет такая необходимость. Разве что она не была уверена, что в Броукенвиле есть гостиница.

Сара толкнула двери, как в настоящем салуне – что за абсурд, – и вошла внутрь. Кроме мужчины у окна и женщины за стойкой, в закусочной никого не было. Худой тщедушный мужчина словно всем своим видом извинялся за свое существование. Он даже не взглянул на гостью. Только продолжал вертеть в руках кофейную чашку.

Женщина же, напротив, сразу обратила на Сару все свое внимание. Весила она килограммов сто пятьдесят, не меньше. Ручищи лежали на стойке, как будто специально сделанной под нее. А может, она так давно здесь работает, что уже срослась с ней. Стойка была из темного дерева, похожая на барную. Но вместо подставок под пивные кружки здесь были

стальные держатели для салфеток и заламинированных меню с картинками жирной еды, которую подавали в этой закусочной.

Женщина зажгла сигарету так естественно, словно та была продолжением ее тела.

– Ты, наверное, туристка, – сказала она, выпуснув дым Саре в лицо.

– Сара.

– Плохой день ты выбрала для приезда.

– Вы знаете, где живет Эми Харрис?

Женщина кивнула.

– Чертовски плохой день.

Пепел от сигареты упал на стойку.

– Меня зовут Грейс, – представилась она, – или, по правде сказать, Мадлен. Но так ко мне обращаться не стоит.

Сара и не собиралась так к ней обращаться.

– ...Вот ты и приехала.

У Сары возникло ощущение, что эта Грейс-которую-зовут-не-Грейс наслаждается этим моментом. Растягивает удовольствие. Кивнув три раза, Грейс сделала затяжку, выпустила дым из уголка рта, перегнулась через стойку и сказала:

– Эми умерла.

В памяти Сары смерть Эми всегда будет связана со светом ламп на потолке, табачным дымом и запахом еды, но тогда она не могла поверить своим ушам. Она, Сара, стоит в закусочной в захолустном американском городишке и слышит, что женщина, которую она никогда не видела, умерла. Вся эта ситуация была настолько нереальной, что Сара не успела даже испугаться.

– Умерла? – переспросила она, сама не ожидая от себя такой тупости. Сара осела на барный стул. Она не имела ни малейшего понятия, что теперь делать. Она подумала о женщине в Хоупе. Наверное, следует туда вернуться.

Но Эми не могла умереть, сказала себе Сара. Она же моя подруга. Ей нравятся *книги*. Боже мой. Сара вдруг ощутила, как мимолетна жизнь, и это еще больше усилило сюрреализм ситуации.

Нет, она не чувствовала горя. Она недоумевала, как могло так получиться: она приехала в Айову из Швеции, чтобы отвлечься от своей обычной жизни, чтобы спрятаться от жизни, а вместо этого столкнулась со смертью.

Как она умерла? Одна часть Сары хотела это знать, а другая – нет.

Но Грейс продолжала говорить, не давая Саре опомниться:

– Похороны в самом разгаре. Не то чтобы они были очень торжественные. Не те времена. Но без религиозной чуши не обойтись. Когда моя бабушка умерла, все было по-другому. – Грейс взглянула на часы. – Но тебе, наверное, надо туда пойти. Друзья Эми решают, что с тобой делать. Я стараюсь не влезать в городские проблемы, а ты явно проблема. – Она затушила сигарету. – Джордж, подвезешь Сару до дома Эми?

Мужчина у окна поднял глаза. Казалось, просьба привела его в ступор. Но он встряхнулся, встал и неохотно потащил сумки Сары к машине. Сара пошла было за ним, но Грейс схватила ее за руку.

– Это бедняга Джордж, – сообщила она, показывая ему на спину.

Дом Эми Харрис был небольшим. Но все равно гостей на поминки собралось так немного, что в кухне и гостиной на первом этаже им было вполне просторно. Стол и кухонная стойка были заставлены формами с едой. Кто-то достал салатные миски, хлебницу, салфетки и столовые приборы.

Саре всучили бумажную тарелку с едой и оставили в покое. Джордж держался с ней рядом, и Сара была благодарна за этот неожиданный жест вежливости. Ему явно не доставало смелости, но и Сара не могла ею похвастаться. Зато Джордж вошел с ней в дом и так же робко жался к стенам, как и она.

В темной прихожей на комод кто-то поставил женскую фотографию в черной рамке. Сара решила, что это и есть Эми. И два старых настольных флажка – США и Айовы. «Мы ценим наши свободы и будем отстаивать наши права», – возвещала золотая вышивка на последнем. Красный цвет поблек, края пообтрепались.

Женщина на фото была Саре совершенно незнакома. На снимке ей было лет двадцать. Волосы заплетены в две тонкие косички. На лице застыла искусственная, на камеру, улыбка, похожая на тысячи других. Может, и была в ее глазах искорка, говорившая, что она-то знает, что все это в шутку, угадывавшаяся в письмах Эми, но это все, что Саре удалось уловить.

Саре хотелось коснуться снимка, но это было бы невежливо. Вместо этого она осталась в прихожей с тарелкой и книгой в руках. Ее чемоданы исчезли, но у Сары не было сил интересоваться куда.

Три недели назад Эми была настолько близка ей, что Сара готова была жить у нее два месяца, но теперь все следы этой близости умерли вместе с ней. Сара не считала, что дружить можно только с теми, с кем ты встречался в реальности. Самые тесные отношения у Сары были с людьми, которых никогда не существовало. Но теперь дружба с Эми внезапно показалась ей фальшивой. Будет притворством делать вид, что они много значили друг для друга.

Вокруг ходили люди, бросая на Сару вопросительные взгляды. Наверное, гадают, кто она и что здесь делает. Сара и сама думала о том же. Но тем не менее никто не проявлял любопытства и не задавал вопросов. И никто не плакал. Казалось, им не позволяла серьезность повода, по которому они все здесь собрались. Никто не докучал Саре расспросами. Они только улыбались, встречаясь с ней взглядом.

Но одна женщина наконец подошла к Саре и представилась:

– Каролина Роде.

Осанка и рукопожатие были у нее военными.

Каролина оказалась намного красивее, чем Сара себе представляла. У нее были глубоко посаженные миндалевидные глаза и скульптурные черты лица. В свете лампы ее белая кожа была словно из алебаstra. Высокие скулы, темные густые волосы с проседью.

На шее у нее был черный шарф из тонкого шелка. На любой другой женщине он выглядел бы неуместным даже на похоронах. Но на ней смотрелся совершенно шикарно.

Сложно было определить ее возраст, но невозможно было представить, что эта женщина когда-то была юной. У Сары возникло ощущение, что Каролина Роде невысоко ценит молодость.

Когда она говорила, все вокруг затихали. Голос у нее был таким же решительным, как и рукопожатие. Говорила она кратко и по делу. В голосе был намек на улыбку, но лицо оставалось бесстрастным. Губы вытянуты в ниточку.

– Эми говорила, что ты приедешь, – сообщила Каролина. – Не могу сказать, что я сочла это хорошей идеей, но это не мое дело. – Подумав, она добавила: – Наверно, и тебе мне не стоило ничего говорить. Но ты ведь согласна, что это привело... к сложной ситуации...

– Сложной, – повторила Сара.

Но Эми же не знала, что умрет. Другие присоединились к ним, встав полукругом за спиной Каролины, словно зрители в цирке с Сарой в роли клоуна.

– Когда Эми... скончалась... мы не знали, как с тобой связаться. И теперь ты здесь, – попытожила Каролина. – Но посмотрим, что можно сделать.

– Мне нужно где-то остановиться, – сказала Сара.

Все подались вперед, вслушиваясь в ее голос.

– Остановиться? – сказала Каролина. – Конечно, ты можешь остановиться здесь. Дом же пустует.

– Но...

Мужчина в пасторской одежде тепло улыбнулся Саре и сказал:

– Эми просила нас передать тебе, что ваши планы не меняются.

– Не меняются?

Он что, с ума сошел? Или Эми была сумасшедшей? Или вся эта деревня безумна?

– К тому же тут есть комната для гостей. Можешь переночевать сегодня там, а потом мы решим, что с тобой делать, – добавила Каролина.

Священник кивнул. И как-то вдруг решилось, что она будет жить одна в пустом доме Эми Харрис.

Сару отвели наверх. Каролина шла впереди, как генерал, ведущий армию в бой. За ней по пятам следовали Сара и Джордж, подобный безмолвной тени. А за ними – остальные гости. Кто-то поднял наверх Сарины вещи, она так и не поняла кто, но вещи вдруг чудесным образом оказались перед дверью комнаты для гостей.

– Мы проследим за тем, чтобы у тебя было все необходимое, – в дверях сказала Каролина. Помахав Саре на прощание, она вытолкнула гостей из комнаты, вышла и закрыла дверь.

Сара осталась одна. Она опустилась на кровать, остро ощущая свое одиночество. В руках у нее по-прежнему была тарелка с едой. Рядом на кровати лежала книга.

Черт, подумала Сара.

Сара Линдквист
Корнвэген 7-1
13638 Ханинге
Швеция

Броукенвил, Айова, 3 июня 2009 года

Дорогая Сара!

Спасибо за твой любезный дар! Сама бы я, наверное, эту книгу не купила и потому так ей рада. Но какой же неприятный сюжет. Я и не знала, что в Швеции происходят такие вещи. Но с чего я так думала – не знаю. Мне кажется, в маленьких городах гораздо больше секса, насилия и скандалов, чем в больших. А раз так с маленькими городами, то, наверное, и с маленькими странами тоже. Там люди ближе друг к другу. По крайней мере, у нас в Броукенвиле так и есть.

Но вот никого, похожего на Лисбет Саландер¹, у нас нет. Поразительная женщина. Как я поняла, в серии есть еще две книги. Не могла бы ты оказать мне любезность и прислать остальные? Я не смогу спать, пока не узнаю, чем закончилась ее история с этим симпатичным молодым господином Блумквистом. Разумеется, я за них заплачу. Я посылаю тебе «Убить пересмешника» Харпер Ли в качестве платы. Там тоже речь идет об убийстве и сексе в маленьком городе.

*С наилучшими пожеланиями,
Эми Харрис*

¹ Главная героиня трилогии шведского писателя Стига Ларссона «Миллениум» вместе с Микаэлем Блумквистом. – Здесь и далее примечания переводчика.

Новостной бюллетень Броукенвила

– У вас четыре сообщения. Принято в 00:05:13. «Милая, это мама. Что? Да-да. И твой папа тоже тут. Мы как раз вернулись от Андерса и Гуннель. Ты их знаешь, они раньше жили напротив, а потом переехали в очаровательную виллу в Туресэ. Как у тебя дела? Ты добралась до места? Там, наверное, совершенная глушь. Эми совсем безумная? Ты нашла нужный автобус? Не понимаю, с чего тебе взбрело ехать...» Принято в 00:05:15...

Мама продолжала так, словно и не заметила перерыва.

– «...в деревню. погоди, я еще не договорила. Твой папа хочет что-то сказать, не дает мне закончить. – Короткая пауза. Кашель. – Сара! Надеюсь, ты не сидишь за книжкой все время. Это же прекрасно – путешествовать. Вспоминаю, когда мы с твоей матерью...» Принято в 00:05:18. «...Что с этими автоответчиками? Почему они не дают мне договорить? Ну ладно, пока. погоди. Мама хочет тебе что-то сказать. Ты всегда можешь поехать в Нью-Йорк, если тебе там не понравится. Или в Лос-Анджелес. И не плати денег вперед!»

Сообщение прервалось. Новое только спустя три часа. Снова мама.

– Сара! Почему ты не берешь трубку, когда мы звоним? Эми – серийная убийца? Я же знаю, что это за страна – США. Если тебя убили и расчленили, я никогда тебя не прощу! И если ты немедленно не перезвонишь нам, я звоню в ЦРУ. – Тут папа что-то говорит на заднем плане. – В ФБР! Какая разница!

Когда Сара позвонила, мама все еще была в сильном волнении.

– Не нравятся мне эти маленькие города, – заявила она.

Они уже обсуждали это раньше. Сара потеряла лоб и опустилась обратно на кровать. Комнатка была маленькой. Пять на пять метров. Кроме кровати, из мебели здесь было кресло у окна, ночной столик и комод. Вот и все. Обои в цветочек, которыми были оклеены стены, давно поблекли. Занавески тоже были в цветочек. Выглядели они так, словно их повесили прямо перед ее приездом. Для этого окна они были коротковаты.

– В маленьких городах так скучно. Ты же могла поехать куда угодно!

По иронии судьбы, раньше мама всегда уговаривала ее поехать в путешествие. Но теперь же она вела себя так, словно хотела, чтобы Сара осталась дома в Ханинге.

– Кто знает, какие там прячутся сумасшедшие.

Непонятно было, что маму больше пугало, скука или риск наткнуться на серийного маньяка-убийцу, но ее слова напомнили Саре одну вещь.

– Там люди ближе друг другу, – сказала она.

– Да что ты знаешь о людях? Ты же все время читаешь книги...

И это они тоже раньше обсуждали. Не один раз. Старшую дочь мама считала посланным им небом испытанием. Младшая, Юсефин, работала юристом в городском суде. Со временем ей предстояло стать адвокатом, а адвокат – это престижная профессия, предполагающая дорогой костюм. Не то что Сара, которая работала в книжном магазине в пригороде. Это все равно что быть безработной. И даже в путешествие она поехала в американскую глушь, чтобы жить у какой-то старушки.

Сара старалась не обращать внимания на то, что мама считала ее скучной. В каком-то смысле она была права. В жизни Сары не было приключений. Но все равно ей не нравилось, что мама нападала на Эми. Сара нервничала уже накануне поездки, а теперь со смертью Эми нервы ее были на пределе. Поэтому на мамины вопросы она отвечала кратко и односложно. Мама поняла, что перегнула палку, и смягчилась.

– Ну, по крайней мере, тебя не убили.

Сказала она это таким пессимистичным тоном, что Саре просто нечего было ответить.

– А как Эми? Она с тобой мила?

– Эми... она очень милая, – выдавила Сара.
Ну да, была милой, когда была жива.

Сара вышла из комнаты и осторожно пошла по темному коридору, чувствуя себя ночным воришкой. Коридор вел к ванной и комнате Эми. Каролина показала на дверь, когда провожала ее. Сара быстро прошла мимо двери в спальню Эми, стараясь даже не смотреть туда. Едва ли кто-то откроет ее снова. Во всяком случае, это будет не Сара. На лестничной площадке она замерла и прислушалась. Потом медленно пошла вниз по ступенькам.

Сара останавливалась перед каждой дверью и осторожно заглядывала внутрь, сама не зная, что ожидает там увидеть. Вряд ли кто-то из соседей прячется за диваном. Или родственники Эми явились, чтобы потребовать с нее арендную плату. Или призрак Эми снует по кухне. Везде было тихо и пусто.

Сара бродила по дому Эми, касалась предметов, которых касалась Эми, разглядывала комнаты, в которых жила подруга. Тишина в доме пугала. Картины застывшей жизни тоже.

В кухне она увидела чайник, банку «Нескафе» и бутылку молока. Хлеб тоже остался, а в холодильнике Сара обнаружила кучу еды, аккуратно упакованной и с подписанной датой на контейнерах.

Сара съела хлеб без всего, поставила чай и пошла в ванную принять душ. Смеситель был старинный. Овальная ванна тоже. Сара сняла всю одежду, положила на табурет в углу комнаты, надеясь, что она не промокнет. Занавеска в душе выглядела ненадежной.

Трубы запищали, стоило Саре открыть воду, которая была чуть теплой и отказывалась нагреваться.

Сара не так себе все представляла. Приняв душ, Сара обернула волосы найденным в доме полотенцем, распаковала чемодан и вернулась в кухню. Пока что она ни в одной комнате не пробыла больше двадцати минут, за исключением гостиной, где провела ночь. Ей не хотелось нигде задерживаться.

На разбор чемодана ушло тринадцать минут. На часах было пол-одиннадцатого, и Сара понятия не имела, что ей делать. На улице уже было жарко. Из открытой двери в кухню веяло запахом сухой земли и зелени, смешивавшимся со спертым воздухом в доме и запахами деревянной мебели и старых ковров.

Сара присела за стол и попыталась отыскать следы пребывания здесь Эми, но все, что бросалось в глаза, – это потертые ручки шкафов и засохшие цветы на подоконнике.

Вот тебе и приключение, подумала Сара. Если бы Эми не умерла, они сидели бы сейчас на этих стульях и обсуждали книги и жителей города. Им было бы хорошо.

– Эми! – воскликнула Сара. – Как ты могла так со мной поступить! Мы же собирались стать настоящими друзьями!

У кухонной двери, ведущей на веранду, стояли две пары резиновых сапог разного размера. Сад рядом с кухней давно зарос. Местами трава пожелтела от солнца. В зарослях Саре удалось разглядеть две скрюченные яблони. Никто их не обрезал вот уже тысячу лет. Еще там была грядка с одичавшими пряными травами. Их почти невозможно было отличить от сорняков. И две грядки с помидорами.

Сара вернулась в комнату и принялась расставлять книги по дому, чтобы придать ему жилой вид. Но тринадцати книг явно было недостаточно.

Дома у Сары было почти две тысячи книг. Две тысячи книг и трое друзей. Если, конечно, бывших коллег из книжного магазина можно назвать друзьями.

Она начала работать в книжном в семнадцать лет. Сначала подрабатывала на летних и рождественских каникулах и во время распродаж, а потом поступила в штат. Магазины были в полчасе ходьбы от дома ее родителей. Но большего Саре и не нужно было.

Одна из девушек в книжном утверждала, что все рассказы начинаются с того, что кто-то приехал или уехал. Но никто не приходил к Саре в книжный магазин Йозефссона и никто не приходил в Сарину двушку в Ханинге. Приходила только почта. Красивые письма, написанные от руки. Саре казалось, что эти письма приносят с собой частичку Айовы, обещание приключений, возможностей, другой, вечной жизни. Но вот теперь она здесь и чувствует только запах старых ковров и древней деревянной мебели.

– Соberись, Сара, – приказала она себе. Звук человеческого голоса, даже ее собственного, ободрял. Единственным, что нарушало тишину здесь, был стук веток в окно на втором этаже и свист в старых трубах.

Как так получилось, что она проехала тысячи миль, а ничего не изменилось? И жизнь Сары, и сама Сара остались прежними. Сара не могла этого понять.

Все, что изменилось, – это количество книг и друзей. Тринадцать книг и ноль друзей.

– Соberись, – повторила Сара, но это прозвучало совсем уж жалобно.

Сара знала: люди думают, что с помощью книг она прячется от жизни.

Возможно, в этом была доля правды. Она еще в школе заметила, что, когда ты читаешь книгу, никто не обращает на тебя внимания. Иногда ей приходилось отрываться от книги, чтобы увернуться от запущенной линейки или учебника, но чаще ее оставляли в покое. Пока другие одноклассники издевались друг над другом, рисовали бессмысленные рисунки на парте, писали оскорбления на шкафчиках в коридоре, Сара переживала неземную страсть, смерть, смех, новые страны, прошлые времена. Пока другие томились от скуки в школе в Ханинге, Сара была гейшей в Японии, бродила с последней императрицей Китая по узким коридорам Запретного города, гуляла по Зеленым холмам с Энни и другими, сталкивалась с убийствами, любила и теряла вместе с классиками.

Книги были для нее защитной стеной, но не только. Они защищали ее от окружающего мира, да, но они же превращали этот мир в кулисы для настоящих приключений в жизни Сары.

И десять лет в книжном магазине никак не сказались на этом волшебном эффекте. Напротив. Теперь у Сары с каждой книгой было связано два воспоминания. Воспоминание о том, как она ее читала, и воспоминание о том, как она ее продала. Сара продала бесчисленное количество книг Терри Пратчетта на распродажах, прежде чем наконец сдалась и прочитала одну из них и открыла для себя одного из самых фантастических писателей в современной литературе. Она помнила лето, когда ей казалось, что она уже почти продала книгу Уллы-Карин Линдквист «Грести без весел». И помнила лето тремя годами позже, когда она ее прочитала. Сара помнила темный силуэт на обложке, помнила сумерки, когда солнце село, помнила, что книга была небольшой и что все покупатели чувствовали необходимость объяснить свою покупку. «Это та дикторша с телевидения», «Ведущая новостей, которая умерла», «Она была отличным диктором». Видимо, смерть любимой телеведущей разбила им сердце. Это была одна из тех книг, которая трогает людей еще до того, как начнешь ее читать.

Сара перенесла из склада в зал больше книг Лизы Марклунд, чем ей хотелось бы. Она продавала книги Яна Гийю про шпиона Карла Хамильтона в трех разных покет-версиях. Она видела, как родилось шведское детективное чудо, как оно выросло и как пошло на спад. Она не помнила, когда в магазине появились книги Камиллы Лекберг, но обратила внимание на карманный вариант. Это было характерно для Сары.

Она, наверное, продала тысячи книг, может быть, сотни тысяч, но считать было бесполезно. Если бы Сара задумывалась о будущем, она бы, наверное, представляла, что составит в этом магазине. С каждым днем она будет все серее и грязнее, как непроданные книги на складе. Будет все так же продавать бумагу для копировальной техники и стержни к руч-

кам до скончания веков, а потом удалится на пенсию в компании книг, которые она в течение всех этих лет приобретала со скидкой.

Но магазинчик Йозефссона закрылся. Сара потеряла работу. И теперь оказалась в США.

Машина подъехала к дому и прервала ее размышления, чему Сара была рада. Это был священник. Пока он шел к дому, Сара потренировалась улыбаться перед зеркалом в прихожей.

«Веди себя как обычно, Сара», – сказала она своему отражению в зеркале, но оно посмотрело на нее с таким трагическим выражением лица, что Сара совсем растерялась. С полотенцем на голове она напоминала перепуганную мышь в тюрбане. Она час ходила по дому и забыла снять с головы полотенце.

Священник был уже на пороге веранды, так что Сара спрятала полотенце в шкаф, пальцами расчесала волосы и вышла на веранду.

Улыбка, Сара, напомнила она себе.

Священник явно нервничал. Белый пасторский воротничок должен был бы придавать ему достоинства, но растрепанные тонкие волосы и оранжевая куртка портили все впечатление. Одежда его выглядела так, словно ее купили на распродаже в дешевом магазине в восьмидесятые.

– Смерть Эми стала ударом для города, – сказал он. Он стоял на нижней ступеньке лестницы, словно не мог решить, подняться ему или спуститься. – Тяжелым ударом.

– Да, – кивнула Сара. – Как... она... умерла?

Вопрос, наверное, неуместный, но Сара обнаружила, что хочет знать. Священник же только пробормотал что-то про болезнь. Значит, не несчастный случай. Но смерть все равно должна была быть неожиданной. Три недели назад Сара выслала детали своей поездки, и Эми ответила, что встретит ее в Хоупе.

Наверное, надо пригласить пастора на кофе, подумала Сара. Но удобно ли приглашать в чужой дом, когда ты живешь там бесплатно без приглашения?..

– Я не знаю, куда мне деться, – неожиданно призналась Сара.

– Куда... – Пастор занервничал еще сильнее. – Но вы же можете жить здесь? – Не получив ответа, он продолжил: – Эми все обожали. Нам приятно видеть, что ее дом не пустует. Может, вам что-то нужно? Еда?

– Тут запас на пару недель.

– Прекрасно. А что-нибудь еще? Вам же понадобится машина, например.

– У меня нет прав.

Это его явно смутило.

– Нет... хм... я... я поговорю об этом с Каролиной.

Принятие решения явно принесло ему облегчение. Быстро попрощавшись, он исчез, прежде чем Сара успела предложить ему кофе.

Не успела она начать думать про кофейный вопрос, как в дверь постучался новый гость.

Миссис Дженнифер «зови меня Джен» Хобсон могла бы возглавить ассоциацию американских домохозяек. Ее темные волосы были аккуратно подстрижены, но словно жили своей жизнью. На лице застыла полубезумная улыбка человека, вынужденного много времени проводить с маленькими детьми. Джен сразу прошла прямо в кухню, поставила чайник и достала ложечки для растворимого кофе.

– Я выпускающий редактор новостного бюллетеня Броукенвила, – сообщила она, гремя чашками и ложками. Сахар она нашла в одном из шкафчиков. Волосы подпрыгивали,

когда Джен нагибалась. – Мы пишем обо всех значимых событиях в городе. Пару лет назад у нас гостил парень из Джерси. Он хотел обрести себя. Занимался каким-то фрилансом. Но не выдержал и пары недель. Переехал в Хоуп. От интервью он тоже отказался.

Непонятно, что было для Джен хуже, – уехать в Хоуп или отказаться давать интервью.

– Моя знакомая в Спенсере занималась генеалогией, – сказала она через плечо. – Я, кстати, из Спенсера. Переехала сюда после свадьбы. – Лицо ее напряглось при этих словах. – Ну так вот. Она составляла свое семейное древо. И нашла родственников в Швеции. И была этим очень довольна. Это лучше, чем родственники в Ирландии или Германии. Я так ей и сказала. У всех родственники оттуда. Швеция куда экзотичнее.

Она посмотрела на Сару и покачала головой, видимо, не сочтя ее экзотичной.

– Какая у тебя фамилия? Может, вы тоже родственники. В жизни чего только не бывает. Да и в Швеции, наверно, не так много людей живет.

– Девять миллионов.

– У вас есть дубы?

– Дубы?

– Это дерево нашего штата – Айовы. У нас тут просто фантастические дубы.

– Ну... дубы у нас есть...

– Может, ты хотела бы передать послание для нашей газеты?

Нет, не хотела бы.

– Совсем ничего? Пару предложений? Первые впечатления от города?

– Я была только в закусочной.

– Придется мне самой текст написать, – сказала Джен сама себе. – Я уверена, что город тебе понравится. Не переживай, – добавила она, – статья будет позитивной. Мне надо только придумать, что ты могла бы сказать.

Сара Линдквист

Корнвэген 7-1

13638 Ханинге

Швеция

Броукенвил, Айова, 23 августа 2009 года

Дорогая Сара!

Как я рада, что тебе понравилась Харпер Ли. Не знаю, что сказать о шведском названии, но, наверное, «Смертный грех» больше подходит для дешевого детектива. Но тебе лучше знать.

Поскольку тебе понравилась «Убить пересмешника», я посылаю «Прислугу» Кэтрин Стокетт. У этих книг общая тема – расизм. Знаю, не все сегодня считают расизм проблемой, но если тебе интересно мое мнение, то так считают только те, кто управляет миром, ничего не сделав для его улучшения. Я же считаю расизм проблемой, и его проявления вызывают у меня крайнее возмущение. Так, по крайней мере, считает мой старый темнокожий друг Джон. Он уже не молод и говорит, что теперь ситуация намного лучше, чем раньше. По крайней мере, в Броукенвиле, говорит он. Джон не любит обобщать. Я бы не сказала, что ситуация в мире улучшилась. Просто люди в нашем городе привыкли к Джону. Он единственный черный в городе. И держит единственный магазин, в котором по-прежнему продают молоко. Так что людям пришлось к нему привыкнуть. Разумеется, я лично считаю, что Джона просто невозможно не любить, но тут он со мной не всегда согласен.

*С наилучшими пожеланиями,
Эми Харрис*

Всем известно, что шведские туристки приезжают в Айову в поисках мужа

В Броукенвиле недалеко от закуской Грейс был старый кинотеатр. Сооружение в стиле пятидесятых придавало одной стороне улицы достойный вид, но там уже давно перестали показывать новые фильмы, а пару лет назад – и старые тоже. Сломался проектор. Теперь здание кинотеатра использовалось только для городских собраний.

Называть эти встречи собраниями было все равно что называть кинотеатр кинотеатром. Эти собрания были данью прошлому, когда было престижно входить в городской совет и все важные вопросы решались голосованием. В те годы у города еще были деньги, и нужно было решать, на что их потратить. На новые скамейки перед церковью или уличное освещение. Естественно, возникали разногласия по поводу цвета скамеек и формы фонарей. Сам кинотеатр тоже вызывал много споров, включая обвинения в развращении молодежи.

Теперь же осталась только горстка людей, которые еще желали заниматься городскими делами, а денег вообще не осталось.

Но они все равно продолжали встречаться каждый второй четверг месяца, занимая один первый ряд в кинозале.

Каролина недовольно взирала на отчаянно жестикулировавшую Джен на сцене бывшего кинотеатра.

– Туристка! – воскликнула Джен.

Каролина подавила желание потереть виски.

Туристское нашествие в город было единственным пунктом на повестке дня, и собрание уже порядком утомило Каролину.

Она скучала по Эми Харрис. Каролина знала, что люди считают ее черствой, чрезмерно набожной и скучной. Но каждому городу нужен кто-то, кто будет следить за порядком, кто способен отличить добро от зла, правду от лжи. При жизни Эми у Каролины это хорошо получалось, но теперь она чувствовала себя слабой и одинокой.

Ей было далеко до Эми, которая словно знала, что люди хотят услышать. Каролина же говорила то, что нужно было говорить. А это редко нравилось людям, хотя иногда тоже необходимо. Но теперь Каролина осталась одна. И ей предстояло одной позаботиться об этой туристке, которая, стоило с ней заговорить, начинала дрожать как осиновый лист.

Ей столько всего еще нужно было сказать Эми. Пусть земля ей будет пухом.

Впрочем, Эми-то что переживать. Это Каролина теперь должна делать всю работу. И на поддержку остальных рассчитывать не приходится.

В городском совете состояли трое человек. Каролина подозревала, что Джен ходит на собрания, потому что мечтает превратить Броукенвилл в подобие Хоупа – рая для представителей среднего класса, готовых тратить часы на то, чтобы добраться до работы. Сама Джен была из местечка, которое она сама называла очаровательным пригородом Спенсера на северо-западе Айовы. Лучше бы она там и оставалась. Небольшая потеря для Броукенвила, думала Каролина. Но она вышла замуж за Хобсона, неожиданно приятного представителя семьи Хобсон, прочие представители которой не отличались ни умом, ни тактом. Впрочем, Каролина никогда не осуждала людей за то, что они родились такими, какими родились. Другое дело – сознательный выбор человека. Она не могла избавиться от мысли, что Джен рассматривала переезд в Броукенвилл как личную неудачу. И это бесило Каролину. Что такого есть в Спенсере, чего нет в Броукенвиле? Разумеется, у города есть свои недостатки. Каролина сама рада была на них указать, но одно дело – она, и совсем другое, когда посторонние

презрительно отзывались о ее городе и желали все тут изменить. Каролина покачала головой. Джен здесь и десяти лет не прожила. Правда, десять – это немало.

Нельзя сказать, что она не пыталась. Тут надо отдать Джен должное. Но если бы Джен соображала получше, она бы смогла направить свою энергию в правильное русло. Теперь она была ответственным секретарем, корреспондентом и источником новостей городской газеты, или, точнее, блога. Каролина так и не потрудилась выяснить, что такое блог. Само название уже не обещало ничего хорошего. Насколько ей было известно, блог этот читали только родственники Джен из Спенсера. И никто из них не выразил желания переехать в Брукенвил под впечатлением прочитанного.

Мало приятного могла Каролина сказать и про второго члена совета – Энди, последнего представителя семейства Уолш. Его отец, Эндрю Уолш-старший, никогда Каролине не нравился. И она готова была многое простить Энди уже за то только, что он не был похож на отца. Но всему есть границы.

Энди держал «Площадь» – единственный бар в городе – вместе со своим лучшим другом Карлом. Какое-то время Энди даже жил в Денвере. Не то чтобы Каролина верила слухам, но кто еще будет жить в Денвере, чтобы потом вернуться и держать в городе бар с лучшим другом, как не...

Сегодня Энди был в клетчатой рубашке и синих джинсах, перехваченных ремнем с массивной пряжкой. На вид она весила не меньше его ковбойских сапог. Одежда на нем была слишком новая, слишком нарядная. Каролине он напоминал туриста с Восточного побережья. Глядя на Энди, трудно было поверить, что его семья живет в Брукенвиле уже много поколений.

– Туристка в Брукенвиле, – сказал он, присоединяясь к Джен на сцене.

– Это удивительно, – ответила Джен, – что у нас так мало туристов.

– Это как раз неудивительно, – высказалась Каролина. – Удивительно, что у нее нет водительских прав.

Подниматься на сцену она не стала – предпочла остаться в удобном плюшевом кресле. Двенадцать лет прошло с последнего сеанса в кинотеатре, а в воздухе все еще пахло попкорном, маслом и старой тканью. Запахи не будили в ней никаких воспоминаний. Но поразительно, что кресла все еще в отличном состоянии.

– Мы должны найти ей занятие, – сказала Джен. – Развлечь ее.

– Но какое? – удивился Энди. – Вот в чем вопрос.

– Экскурсии, конечно! Наша прекрасная природа. Дубы!

– И кукуруза, – сухо добавила Каролина.

Она любила дубы не меньше других, даже была председателем общества охраны дубов, но прекрасно осознавала туристические возможности Брукенвила.

– Не только кукуруза, – возразил Энди. – Соевые бобы у нас тоже есть.

– Том может ее возить, – предложила Джен, которой явно только что пришла эта мысль в голову. – Когда не работает, естественно.

Каролина зажмурилась. Этим невинным тоном ее не обманешь. Боже мой, подумала она. Не успела гостя прибыть, как Джен уже готова пожертвовать ей всех городских холостяков. Хотя, если подумать, непонятно еще, кто тут жертва. Городские холостяки могли туристов и отпугнуть. Как ни странно, Энди впервые не согласился с Джен.

– Том? – тупо повторил он, словно не понимая, куда она клонит.

Джен заколебалась.

– Да, Том... Может, они друг другу понравятся? – предположила она, глядя куда-то вдалеку поверх головы Каролины. – Может, небольшой роман сделает ее пребывание здесь более приятным?

Энди рассмеялся.

– Том никогда не имел особого успеха у девушек. А этой Саре явно не помешает встряхнуться. Я поговорю с ним о том, что он должен сделать.

На такой поворот событий Джен явно не рассчитывала.

– Но может, лучше дать им самим постепенно узнать друг друга...

– Лучше вообще ничем подобным не заниматься, – отрезала Каролина.

Она хорошо знала Джен. Одним отпускным романом она не удовлетворится. В своих мыслях Джен уже праздновала свадьбу и добавляла нового жителя в городскую статистику. А может, и не одного. И следующий новостной бюллетень можно посвятить свадьбам, рождениям и крестинам.

– Но мы же можем попросить Тома повозить ее, – не сдавалась Джен.

– Это может делать Джордж, – возразила Каролина. – Можем даже заплатить ему. Символически, разумеется. Объявим сбор денег.

Все стоящее требовало сбора денег. От Каролины не ускользнуло, как Джен с Энди переглянулись, но ей было все равно. Каждому городу нужен был кто-то, кто будет следить за порядком. Каролина знала, что над ней смеются, когда Каролина не видит, но без нее здесь все уже давно бы рухнуло. И, по крайней мере, никто не отваживался смеяться над ней открыто.

– Но бедный Джордж все время...

Джен пыталась подобрать более подходящие слова для описания его состояния, но не смогла:

– ...пьян.

– Он уже месяц как завязал, – возразила Каролина. – И руки у него не дрожат. Ему просто нужно придумать занятие, чтобы он не сидел целыми днями у Той Женщины за чашкой кофе.

– Прекрасный кандидат, – прошептала Джен себе под нос.

– Джордж ее повозит, – повторила Каролина, оставляя последнее слово за собой.

Сара Линдквист
Корнвэген 7-1
13638 Ханинге
Швеция

Броукенвил, Айова, 9 октября 2009 года

Дорогая Сара!

Броукенвил – крохотный город. Тут нет ничего интересного. Тут вообще ничего нет. Но я его люблю. Я здесь родилась и выросла. А это много значит.

Тут есть большая улица, она называется просто – Главная. Ее пересекают три улицы поменьше. Вторая, Третья и улица Джимми Кугана. Последнее требует пояснения. До 1987 года она называлась Четвертая улица (мы простой народ, не любим пышных фраз и цветистых названий). Но теперь она носит имя одного выдающегося горожанина. Я рада. Это вносит в нашу жизнь разнообразие.

*С наилучшими пожеланиями,
Эми Харрис*

Асфальт и бетон

Сара неплохо проводила время за чтением книг. Но в последнее время это занятие стало казаться ей каким-то слишком... активным. Эти мысли начали ее посещать, когда она узнала, что магазин Йозефссона закрывается. Сначала она испугалась. Семнадцать лет ее жизни были связаны с этим магазином. Все, чем она была, находилось в этом пыльном магазинчике с посеребренными от времени полками и людьми, покупавшими четыре книжки карманного формата по цене одной летом и «что угодно в красивой твердой обложке» на Рождество.

Конечно, она могла бы найти работу в другом магазине. Но там и тогда, в те долгие летние воскресенья в пригороде, пока магазин готовился к закрытию, она спросила себя, действительно ли ей достаточно такой жизни. Эта мысль напугала ее. В ее мире не было ничего, кроме книг и работы в книжном магазине Йозефссона. Еще, пожалуй, Эми и маленький город в Айове, словно сошедший со страниц романа Фэнни Флэгг или Энни Пру. Сара купила у Эми книгу на международном сайте продажи антикварных книг в интернете. Эми не хотела принимать деньги, и Сара набралась смелости и послала ей в знак благодарности книгу. Так и началась их дружба. Эми писала фантастические письма о книгах и людях в ее маленьком городке. Сара цеплялась за них как за последнюю надежду. Письма Эми были единственным, что имело смысл в ее бессмысленной жизни.

Если бы жизнь Сары была книгой, она не была бы в ней даже второстепенным персонажем. Нет, она не претендовала на роль главной героини. Но было бы приятно иметь внешность и какую-нибудь черту характера хотя бы на пару строчек в месте, где она пересекается с настоящей героиней. Быть человеком с именем и парой реплик.

Тогда, в июле, это казалось несбыточной мечтой. Да и сейчас ничего не изменилось. Саре казалось, что книги смогут заполнить пустоту в ее жизни. Раньше им это всегда удавалось.

Сара вышла на веранду с «Дневником Бриджет Джонс» и третьей за день чашкой ужасного растворимого кофе. В коридоре Сара старалась не смотреть на алтарь на комод. Пора было убрать хотя бы флаги, но Сара не отваживалась. Она тут никто. На веранде было не так мрачно. Заросший сад имел романтический вид, и в кресле-качалке было удобно читать. Сара покачивалась взад-вперед, чувствуя умиротворение.

Солнце начинало спускаться на вершины деревьев. Сара пыталась представить, как все могло быть по-другому. Может, Эми не умерла? Может, она занимается цветами в кухне? Или читает на втором этаже?

Сара вздохнула. Это было все равно что пытаться переписать плохой конец у книги. Сколько бы Сара себя ни убеждала, что с героями все будет хорошо, вопреки стараниям писателя-садиста, удавалось ей это с трудом. Невозможно было забыть, что Ретт Батлер бросил Скарлетт как раз тогда, когда она начала осознавать свои чувства к нему, потому что счастливый конец у такой истории противоречил бы разуму, характерам, природе любви и логике писателя. И даже отец Шарлотты Бронте не мог предотвратить смерть Пола, несмотря на просьбы к дочери пощадить героя ради него. Такова жизнь. Ничего не поделаешь. Обычно люди просто стараются не думать об этом. Маргарет Митчелл была злая. Эми Харрис мертва.

Сара вернулась к чтению. Это было то же издание, что у Сары дома в Швеции, что чрезвычайно радовало ее. Бриджет снова не смогла сдержать новогодние обещания. Бриджет познакомилась с мистером Дарси в безумном свитере. Когда Даниэль Кливер возник на сцене, Сара уже глубоко погрузилась в уютный мир любимой книги и там бы и оставалась, если бы к дому не подъехала машина.

Джордж был в той же клетчатой рубашке, что и в субботу. И вид у нее был такой же помятый. Руки у него дрожали сильнее прежнего. Но Сара вспомнила, как он сопровождал ее на поминках, и улыбнулась гостю поверх книги.

– Я пришел сказать, что я теперь твой шофер.

Сара медленно опустила книгу.

– Я буду тебя возить, – пояснил он. – Куда пожелаешь. Только звони.

Не дожидаясь ответа, он оттараторил свой номер телефона. У Сары не было никакого шанса успеть его записать.

– Если я не отвечаю, то я у Грейс.

Он назвал номер Грейс тоже, и тоже слишком быстро.

– Но я могу и пешком ходить, – возразила Сара.

– Они велели мне тебя возить.

– Они?

– Джен и Энди. И Каролина.

Видимо, это все решило.

– Ну так что? Куда тебя отвезти?..

– Тут и посмотреть-то особо нечего, – пояснил он, когда они въезжали в город.

Чего тут было в избытке, так это кукурузы. В конце августа она была высотой почти с дом. Слепящее солнце превращало кукурузные поля в яркое зелено-желтое пятно, которое резало глаза. Когда наконец показалась асфальтированная дорога на Броукенвил, Сара испытала облегчение. Город начался с уродливого жилого комплекса рядом с заброшенной парковкой для кемпинга.

– Тут живу я, – сообщил Джордж.

Сара надеялась, что он имеет в виду жилой комплекс, поскольку больше вокруг ничего похожего на жилье не было. Парковку окружал сломанный забор, за которым виднелась пара одиноких деревьев.

Дорога стала шире, но домов не было видно. От дома Джорджа до центра города им не попало ничего, кроме заброшенной заправки. Когда-то колонки были белыми, но все проржавело, и кто-то выбросил рядом две тракторные шины и сломанную детскую коляску.

– Раньше магазинов было больше, – извинился Джордж, как будто в этом была его вина. – Но после кризиса все закрылись. Слишком мало покупателей.

Не забыть посмотреть улицу Джимми Кугана, напомнила себе Сара. Интересно, что все-таки означает это название. Но, кроме улицы, Сара не знала, что еще посмотреть. Теперь, когда Сара отдохнула после долгой дороги, город казался еще депрессивнее.

Сара знала, что Великие прерии вдохновили архитекторов на создание собственного архитектурного стиля. Низкие продолговатые дома прекрасно вписывались в окружающий пейзаж. В центре города прокладывали красивые тротуары под крышей – нечто вроде крытой веранды, чтобы удобнее было прогуливаться, рассматривая витрины магазинов.

Во многих городах этот стиль давал ощущение уюта и спокойствия, но в Броукенвиле он был только пустой тратой кирпича, асфальта и бетона. Дома были, конечно, низкими, но только потому, что ни у кого раньше не возникало необходимости в более чем двух этажах. А сейчас и второй был лишним. Вместо продуваемых всеми ветрами прерий неуклюжие кирпичные здания были вписаны в слишком широкую для города дорогу в три полосы, по которой почти никто больше не ездил с тех пор, как проложили скоростные шоссе между штатами.

Джордж высадил Сару и пошел в закусочную Грейс. Не зная, что делать, Сара просто пошла прямо. Дойдя до перекрестка, она остановилась, чтобы прочувствовать атмосферу города. Здесь веяло грустью. Город словно склонился под тяжестью проблем и разочарований, передававшихся из поколения в поколение и пропитавших кирпич и асфальт. На углу

она увидела группу мужчин. На вид им было лет по пятьдесят или шестьдесят. Одеты в выцветшие футболки. На лицах – отпечаток опыта. Но Саре они напомнили подростков в торговом центре, где был ее магазин, которые торчали там целыми днями, не зная, куда себя деть. Эти подростки вели себя так, словно в их жизни не было ничего хорошего и будущее тоже не внушало им оптимизма.

Неужели это и есть Броукенвил из писем Эми? Город, в котором ее брат издавал газету «Кривой фермер» и где учительница создала импровизированную библиотеку на мопедке?

Сара пошла дальше вниз по улице, чтобы избежать взглядов мужчин. Они смотрели на нее не из любопытства, а потому что просто больше не на что было смотреть. Нужно только найти улицу Джимми Кугана, сказала себе Сара, и все будет хорошо. Город Эми возникнет перед ней вместе с деревянными фасадами, женщинами в длинных юбках и застывшим во времени очарованием, как у селений амишей, как это себе представляла Сара, читая письма Эми.

Полуденное солнце безжалостно жарило окна заброшенных магазинов. У некоторых действительно были красивые деревянные фасады, напоминавшие о славном прошлом Броукенвила, когда в нем была еще жизнь. Но сегодня от них веяло той же депрессией, что и от всего остального. Одни окна были наспех заколочены, другие, которые никто не позаботился заколотить, были разбиты. Перед парой магазинов кто-то посадил деревья, но они так и не смогли вытянуться в полный рост. В конце одной из улиц виднелось жалкое подобие парка. Ничего уютного или привлекательного.

За двадцать минут Сара прошла город насквозь, и вывеска с названием «Улица Джимми Кугана» ей так и не попала.

На другой стороне дороги она заметила рекламу средства борьбы с червяками, поедающими корни кукурузы. *Control corn root worm With Dyfonate 20-G Intersectitude! Ideal for the big corn grower!* – «Возьми контроль над червяками с помощью “Дифоната-2”! Лучшее средство для кукурузных плантаций!» – восклицала реклама явно двадцатилетней давности высотой в шесть метров.

Под рекламным щитом была вывеска поменьше, говорящая о том, что мы в Броукенвиле. И все. Они даже не добавили что-то вроде «Сердца Айовы», или «Сада Айовы», или хоть какого-нибудь описания этого места. Указатель был настолько маленьким, словно город извинялся за свое существование.

Ей пришлось два раза пройти туда-сюда через город, чтобы выяснить, которая из улиц – Джимми Кугана, да и то методом исключения. Никакого указателя не было, да и сама улица скорее была темным проулком с высокими кирпичными заборами с двух сторон.

На ее поиски ушли последние силы Сары. Она остановилась перед закусочной Грейс, на которой с трудом можно было различить золотые буквы: *Amazing Grace* – «Потрясающая Грейс». И когда Грейс ей помахала, Сара испытала облегчение, что кто-то другой наконец принял за нее решение, что Саре делать.

Грейс налила Саре чашку кофе, даже не спрашивая, что она хочет, и бросила на гриль комок розового фарша. В закусочной было почти пусто. На парковке перед ней стояли два пыльных пикапа, когда-то выкрашенных в синий цвет, и белый фургон с надписью: «Дорожные работы». За одним столом сидели трое мужчин в ярко-желтых жилетах со светоотражателями, ели яичницу с беконом и пили кофе. Не то поздний обед, не то ранний ужин.

– Не самый интересный город, да? – поинтересовалась Грейс, кладя свои мощные руки на стойку.

– Приятный, – возразила Сара неискренне.

– Чертова дыра это, а не город, я тебе скажу. Я бы на твоём месте тут не задерживалась. – Грейс сделала театральную паузу и добавила: – Беги, пока можешь. Вот что я тебе скажу. Не знаю, почему моя бабка тут осталась.

Грейс зажгла сигарету и продолжила:

– Так Джордж – твой шофер? Я не из тех, кто сплетничает. Но у него была тяжелая жизнь. Поддержка ему не помешает. Жена его бросила. Джордж начал пить. Периодами, конечно. Не все время. Даже еще проработал несколько месяцев в мясном цехе.

Грейс даже не пыталась понизить голос, но Джордж не обращал на них внимания. Видимо, ему пришлось выработать в себе талант пропускать мимо ушей все, что о нем говорят.

– Хорошо, что в конце концов его уволили. Не самая подходящая работа для того, у кого тремор, – подмигнула она Саре. – А то бы руки себе поотрубал. – Грейс быстро добавила: – Но теперь он завязал. Не пьет уже месяц. Хороший парень.

– Почему ты зовешь себя Грейс? – спросила Сара.

– Мою маму звали Грейс. Ее маму тоже.

Сара приготовилась выслушать всю историю семьи.

– А меня? Меня называли Мадлен.

Сара пригубила кофе. Он был слабым и имел тот неприятный прогорклый привкус, который появляется у кофе, если долго держишь его на огне.

– Мадлен. Это имя подходит женщинам постарше. Дамочкам, которые падают в обморок, стоит мужчине коснуться их пальцем. Тем, что выходят замуж, вышивают инициалы на платочках. Инициалы с фамилией мужа, разумеется. Запомни это. Такое имя не годится для женщины, которая разгоняет пьяных рабочих с помощью дробовика.

– Может, она мечтала о другой работе для тебя? – спросила Сара.

Она украдкой посмотрела на Грейс поверх чашки, чтобы убедиться, что не зашла слишком далеко. Но вид у Грейс был довольный.

– Это не работа. Это семейная традиция, – сказала она. – Женщины в моем роду всегда были ленивыми, всегда продавали алкоголь, всегда звались Грейс.

Она драматическим жестом кинула гамбургер на тарелку. Сара испугалась, что он сейчас упадет на пол, но напрасно. Грейс засыпала котлету горой картошки-фри и поставила на стойку перед Сарой.

– Мама влюбилась в мужчину, у которого была небольшая ферма за городом, – продолжила Грейс. – И знаешь, что сделала эта глупая женщина?

Сара даже не пыталась угадать, но это было и не нужно. Грейс сразу продолжила:

– Она вышла замуж. Я родилась через два года. Я была первая Грейс, рожденная в законном браке. Разумеется, пошли слухи. Бабушка была тогда жива и держала бар. Так что мою мать так и не приняли в приличное общество. Но, по мне, так это даже и лучше, – сказала Грейс, зажигая новую сигарету.

Сара осторожно отрезала кусочек гамбургера.

– Мама хотела, чтобы ее приняли. Ты когда-нибудь пыталась сделать так, чтобы тебя приняли?

Сара задумалась.

– Не знаю, – ответила Сара, хотя понимала, что все когда-нибудь делали такую попытку.

– Это бессмысленно, – высказалась Грейс. – Будешь играть по их правилам – проиграешь. Как гласит пословица, никогда не спорь с идиотом, потому что он утянет тебя на свой уровень и там задавит опытом. – Она ткнула бычок в полную до краев пепельницу. – Никогда не живи по правилам идиотов. Иначе тебе придется опуститься до их уровня. Бороться бессмысленно. Они все равно победят, и эта борьба изгадит тебе жизнь. – Она вперила взгляд в Сару. – Посмотри хотя бы на Каролину. Она даже скучнее своей матери. Что тут еще можно сказать. Миссис Роде была прескучнейшей женщиной, но все же в ней была какая-то сме-

лость. Дерзость. А Каролина всю свою жизнь пытается соответствовать тому, что от нее ждут другие люди. А теперь к тому же требует, чтобы все жили, как она.

Сара промолчала. Каролина не произвела на нее впечатления человека, зависимого от других. Если кто-то и возлагает на Каролину какие-то надежды, то это она сама. Но Сара сочла разумным промолчать.

Сара Линдквист
Корнвэген 7-1
13638 Ханинге
Швеция

Броукенвил, Айова, 14 января 2010 года

Дорогая Сара!

Наверное, это замечательно – работать в книжном магазине! У нас никогда не было книжного в Броукенвиле, но зато однажды была передвижная библиотека на мопеде. Мисс Энни, наша учительница, решила создать школьную библиотеку и возить в город каждую субботу. Книг в ней было немного. Они буквально сыпались с мопеда. Но зато какие приключения! Я прочитала «Маленьких женицин» (там морализаторство было к месту) и «Хижину дяди Тома», которую, может, и не стоило читать. У многих семей в Броукенвиле были в роду аболиционисты. Но даже они не представляли, каких либеральных идей я набралась у Гарриет Бичер-Стоу. Для кого-то существует очень тонкая грань между христианством, либерализмом и коммунизмом. Была там и Библия, конечно, но ее я к тому времени уже прочитала.

Библиотека в городе продержалась десять лет, потом она существовала только в школе, пока ту не закрыли. Но под конец все было уже по-другому. Нам выделяли пособие для покупки книг. Но школьная библиотека меня не вдохновляла. Она состояла из закупленных на класс экземпляров одной книги, которую все должны были непременно прочитать. Обязаловка мне не нравилась. Да и наш город никогда не был читающим. Слишком практичные тут жители. Чтобы любить книги, нужно быть мечтателем. По крайней мере, поначалу. Но, полагаю, в больших городах все по-другому. В Хоупе есть библиотека. Но книжного магазина нет. Странно, что существует город с тремя магазинами товаров для дома и интерьера, но без единого книжного. У нас же нет даже магазина товаров для дома с тех пор, как закрылась лавка Молли. А она, кстати, продавала только фарфоровые фигурки.

Каролина Роде, моя хорошая подруга, только что приходила ко мне в гости. Она приятная женицина, но слишком религиозна. Она просила передать, что у нас есть книжный магазин, поскольку Библейское общество (Каролина председатель его отделения в Броукенвиле) держит офис в доме собраний, и там можно купить Библию по пять долларов за штуку или даже получить бесплатно, если удастся доказать, что у тебя дома нет Библии. У них в наличии двадцать экземпляров.

Извини, что пишу так многословно. Я больна, лежу в постели, и у меня слишком много времени, чтобы выражаться кратко.

О моей жизни рассказывать нечего. Но спасибо за вопрос. В молодости мне казалось, что у каждого пожилого человека за плечами

жизнь, полная драматических событий. Наверное, потому что я выросла в провинции. Здесь у всех семей есть свои тайны, необъяснимые беременности и трагические сообщения, переданные с тракторами и комбайнами. Часто просто библейских масштабов. Например, в 1934 и 1935 годах, когда мы столкнулись с нашествием саранчи. Но сейчас жизнь кажется такой будничной. Мне гораздо интереснее жизнь молодых. В ней куда больше драмы.

У нас в городе осталось немного молодежи. Те, кого я считаю молодежью, уже давно выросли. Клэр, Энди, Тому за тридцать. Том – это сын моего брата, то есть сын Джимми (не того, что Куган). У Клэр есть семнадцатилетняя дочь – результат одной из этих необъяснимых беременностей. Не думаю, что отец – Том. Никогда не думала. Скорее, это Энди. Но Энди примерно в то же время переехал в Денвер (некоторые находят это подозрительным, но мне кажется, это его отец распространил слухи. Впрочем, ему это не помогло). Энди вернулся со своим лучшим другом Карлом. Карл очень мил и при этом красив до неприличия. Немногим людям я простила бы такую внешность, но Карлу – прощаю.

Каролина интересуется, есть ли у тебя Библия. Я позволила себе предположить, что есть.

*С наилучшими пожеланиями,
Эми Харрис*

Турист в городе

Узнай Сара, сколько разговоров возбудило ее появление в городе, она бы весьма удивилась. Сара не считала себя интересной. Не считала себя экзотикой. Она определенно не была красавицей. У нее – и Сара готова была это признать – самая заурядная внешность. Уже в семь лет Сара смирилась с тем, что волосы у нее мышиного цвета. И нужно быть слепым, чтобы назвать их цвет медовым, или каштановым, или любого другого оттенка, какой бывает у героинь в книгах, которыми зачитывалась Сара. Чувства стиля у нее тоже никогда не было. Все, что можно было сказать о ее одежде, – это что она была чистой и аккуратной.

Единственным достоинством Сары были ее глаза. Большие, выразительные, они могли бы вызвать у людей интерес, если бы Сара не прятала их за книгой. Но в Броукенвиле никогда не видели туристов.

На следующий день после визита Сары в «Потрясающую Грейс» она стала предметом разговора старейших жительниц города. Они заглянули в закусочную на чашку кофе, чтобы узнать последние сплетни про туристку.

– Удачный она выбрала момент для приезда, – сказала одна старушка, которую почти не видно было за стойкой. Отчасти потому, что с годами ее и так тощее тело усохло, отчасти потому, что его скрывало облако дыма. Гертруда курила как паровоз. И пила как сапожник. Но ни одной из этих вредных привычек и даже ее любимой жирной еде до сих пор не удалось убить Гертруду вопреки всем чаяниям двоих ее бывших мужей, ставших жертвами пассивного курения и жирной пищи. Посетительница была вдовой.

– Похороны, – продолжала Гертруда. – Хоть какое-то событие в этом городишке. Так надоело, что ничего не происходит.

Ее подруга Энни-Мэй помахала рукой, чтобы прогнать дым.

– Похороны – это красиво, – согласилась она. – Все в черном. В лучших нарядах. И столько вкусной еды.

– Я приносила рагу из кукурузы, – сообщила Гертруда, – с двойной порцией бекона...

Обе выжидающе уставились на Грейс. Та наклонилась ближе.

– Приятная женщина, – рассказала она. – Вчера зашла и сидела здесь около часа. И еще мы болтали, когда она только сюда приехала.

– Вот как! – выдохнула Гертруда, и этого поощрения было достаточно, чтобы Грейс выдала все, что знала.

– Приятная, но со странностями. Когда Сара первый раз зашла сюда, у нее в руках была книга. И туристка держала ее так, словно это была ее единственная защита в мире. Я сразу это поняла, как ее увидела. Но разве книга может кого-то защитить? Вот дробовик – это да...

Она сделала многозначительную паузу, но Гертруда и Энни-Мэй не горели желанием услышать историю жизни Грейс. Они пришли сюда не за этим.

– Но не будем сейчас об этом, – продолжила Грейс. – У нас, у Грейс, всегда была какая-нибудь страсть. Одна из первых Грейс была без ума от шерифа. Кончилась эта история плохо, как и следовало ожидать. Ее даже выгнали из города.

Энни-Мэй не стала комментировать эту историю. Вместо этого она спросила про туристку:

– Она надолго задержится?

– А почему бы ей не задержаться? – выпалила Гертруда, хотя раньше и не задумывалась о таком развитии событий. У Энни-Мэй были тонкие седые волосы, собранные в хвост. Она была похожа на чью-то добрую бабушку. Причем выглядела она так последние пятьдесят лет. Энни-Мэй никогда не была замужем – одна из странных причуд природы. Хорошо выглядеть как бабушка, когда у тебя есть внуки, но вряд ли такая внешность поможет ими обзавестись.

По иронии судьбы, Энни-Мэй всегда больше интересовалась мужчинами, чем детьми. Она мечтала о романтике. А в детях нет ничего романтического.

– Я думаю, она с кем-нибудь познакомится, – предположила она.

– Познакомится? – с тревогой переспросила Гертруда.

– Они всегда так делают, – оправдывалась Энни-Мэй.

– Они?

– Одинокие люди в новом городе. В книгах всегда так происходит. Даже с мужчинами.

– Мужчинами... – повторила Грейс так, словно это слово все объясняло. – Если у нее есть хоть немного ума, она свалит. В этом городе нечего делать.

– Почему? – удивилась Гертруда. – Тут наверняка лучше, чем в Европе.

Книги и люди

Газовая плита. Как она включается? А вдруг я что-то сделаю неправильно?

Саре ни разу в жизни не доводилось пользоваться газовой плитой. Когда она жила с родителями, у них дома была обычная электрическая плитка с конфорками на одном уровне, вся блестящая, черная и хромированная. А когда жила одна в двушке в Ханинге, у нее была старая плита с настоящими конфорками, давно утратившая первоначальный цвет.

Сара несколько дней смотрела на плиту, не отваживаясь ее включить. У нее было смутное ощущение, что нужно использовать спички. Набравшись мужества, она даже нашла коробок в одном из ящиков. Но на большее ее не хватило.

Порой Саре казалось, что сам дом протестует против ее присутствия. Может, так Сару мучила совесть за то, что она жила в чужом доме бесплатно. А может, ощущение безысходности в этом доме, явно поселившееся здесь задолго до смерти Эми. В гостиной не было ни одной книги. Только черный кожаный диван, не способный никого сделать счастливым.

Сара уже смирилась с тем, что поужинает чем-нибудь холодным, как вдруг зазвонил телефон. Она напряглась. Думай, Сара, думай. Телефон продолжал настырно звонить.

Сара не могла решить, взять трубку или нет. В любом случае, это будет выглядеть неприлично. Одни люди знали, что она живет в доме Эми, а другие – нет. И эти другие удивятся, если вдруг трубку возьмет Сара. А если они в довершение ко всему не знают, что Эми умерла, ситуация вообще получится невыносимая.

Телефон затих.

Сара пожалела, что не взяла трубку. Надо было все-таки ответить. Телефон снова зазвонил. И снова Сара не могла решить. Наконец она сняла трубку и назвалась, чтобы только больше не мучиться.

Раздался вежливый мужской голос.

– Сара, это Энди. Мы встречались на похоронах.

– Энди! – воскликнула Сара и тут же спохватилась, что это прозвучало слишком лично.

На поминках она не обратила на него внимания, но прекрасно знала, кто это, по письмам Эми.

– Хочешь прийти вечером в «Площадь»? – спросил он. – Выпить с приятными людьми из Броукенвила? Расслабиться за бокалом пива?

Сара посмотрела на газовую плиту. Но от нее помощи можно было не ждать. Сара хмыкнула себе под нос. Новые люди – это ужасно. Но в какой-то степени они не совсем для нее новые. И нельзя все время сидеть в четырех стенах.

– Спасибо, – сказала она. – С удовольствием.

– Замечательно. Мы заедем за тобой в шесть... Нет-нет, это не доставит нам хлопот, – продолжил он прежде, чем Сара успела возразить.

В пять часов Сара уже была готова. Решив не ужинать, она занялась осмотром своего гардероба. Ее целью было выбрать что-то милое, но не слишком, нарядное, но не чересчур. Сара осталась довольна результатом. В серых, тщательно выглаженных брюках она выглядела даже элегантно. К брюкам она выбрала черную блузку с запахом, открывавшую ключицы и ложбинку между грудей. Сара даже подкрасила ресницы и наложила немного теней приглушенного сиреневого оттенка.

Закончив сборы, она устроилась на кухне и сидела с прямой спиной, стараясь не шевелиться, чтобы не помять брюки и не испортить макияж. Но внутри Сара ликовала при мысли, что встретится с «молодежью» из писем Эми. Возможно, она путала радость с волнением, но в любом случае это чувство не было похоже на обычный страх, который Сара испытывала перед встречей с незнакомыми людьми. Она была в предвкушении приключений. Вне-

запно у нее возникло ощущение, что сегодня вечером может произойти все, что угодно. Что Эми вернется к ней в лице этой «молодежи». Сара уже знала их. Знала так же хорошо, как она знала Элизабет Беннет, Джека Ричера и Эвтаназию Бундесон. Никто из них еще ее не подводил. А значит, Энди и другие тоже ее не разочаруют. Сара уже и забыла про неудачу с улицей Джимми Кугана.

Когда к дому подъехал красный пикап, она вскочила и приказала себе не быть идиоткой. Они тебя не знают, напомнила она себе. Для них ты просто незнакомка. Чужой им человек, который ничего не знает ни о них, ни об Эми, ни о городе. Но Сара говорила это с улыбкой.

Из машины вышел мужчина, но это был не Энди. Была в его движениях какая-то скованность, которая не сочеталась с полным энтузиазма голосом, который она раньше слышала в телефоне.

– Том, – представился он.

– Сара, – ответила она автоматически.

Она с удивлением разглядывала незнакомца. Вокруг глаз у него были морщинки, словно от смеха, но сейчас он не улыбался. Глаза были серо-зеленого оттенка, как море в ноябре. И столько же в них было тепла. Все его тело излучало враждебность и раздражение. Сара не знала, что она сделала, чтобы этот человек ее невзлюбил, но в том, что это так, не было никаких сомнений.

На мгновение Сара снова испытала страх. Разочарование, постигшее ее при виде улицы Джимми Кугана, готово было испортить и этот вечер. Неужели все, что описывала Эми, неправда? Сара попыталась прогнать это ощущение и сконцентрироваться на мужчине перед ней.

Одет он был в широкие джинсы и футболку. Сара тут же почувствовала себя разряженной идиоткой. Как ей могло только в голову прийти, что в этих брюках она выглядит элегантно? Она была все той же заурядной Сарой с тощими ногами.

Это мы уже проходили, сказала себе Сара. Надо быть дурой, чтобы подумать, что что-то изменится только потому, что речь идет о молодежи из писем Эми. Тушь! Какой идиотизм!

Удивительно, но это ее успокоило. По крайней мере, к таким ситуациям она привыкла.

– Энди попросил привезти тебя, – сказал он таким тоном, словно все это – ее вина.

– Я могла бы и пешком дойти.

– Конечно.

Саре захотелось развернуться и уйти обратно в дом. Она не выдержит, если и Энди окажется столь же неприветливым. Но Том уже открыл дверцу машины и ждал, когда она сядет. Он помог Саре забраться в салон.

– Так ты Сара, – произнес он.

Саре нечего было на это сказать, и она промолчала. Сара бессознательно сжимала карман жакета, в который на всякий случай сунула книжку. Очевидно было, что Том не испытывает никакого желания общаться с ней, но Сара не отваживалась спросить почему. Люди – существа странные. Сначала они тобой не интересуются, а когда ты достаешь книгу – называют невежливой.

За окном показались кукурузные поля. Сара вглядывалась в заросли, ища утешения.

– ...которая любит читать...

Он что, читает ее мысли? Сара не стала поворачиваться.

– У тебя в кармане книга, – сухо сообщил он.

– В книгах люди лучше, – пробормотала она так тихо, что он не мог расслышать. Но когда она украдкой бросила взгляд на Тома, уголки его губ подрагивали. – Ты так не думаешь? – спросила она.

– Нет.

Наверное, большинство людей с ним согласились бы.

– Но они интереснее, смешнее и...

«...Приятнее», – подумала Сара.

– Безопаснее? – спросил Том.

– И это тоже, – улыбнулась Сара.

Но Том явно утратил интерес к ней и к разговору.

– Но их не существует, – продолжил он.

Не существует? А что такого прекрасного в реальной жизни? Эми мертва. Сара в одной машине с человеком, который явно ее ненавидит. В книгах она могла быть кем угодно и где угодно. Она могла быть смелой, красивой, милой, остроумной... жаждущей приключений... Реальных приключений. Приключений, которые случаются с настоящими людьми. В книгах люди были милы и любезны. Жизнь шла своим чередом. Если у кого-то была мечта, то в конце книги она исполнялась. И никто не оставался один. В реальной жизни ничего такого не происходило.

– Так задумано, чтобы книги были лучше, чем реальная жизнь, – сказала она. – Смешнее, красивее, драматичнее, романтичнее...

– Нереальнее, – подытожил Том.

Его глаза вспыхнули. Вид у него был такой, словно Сара несла романтическую чушь, вроде фантазий школьниц о героях и настоящей любви.

– Напротив. Они реальнее жизни. Если в книге речь идет о серых и безнадежных буднях, то они будут серее и безнадежнее, чем наши реальные будни.

Видно было, что он сдерживает смех. Морщинки вокруг глаз стали глубже. Но улыбка исчезла так же внезапно, как и появилась.

– Книги, которые ты попросила Эми заказать, пришли за два дня до похорон, – сообщил он. И на этом разговор был закончен. Но где же они, подумала Сара. Ее тринадцати книг надолго не хватит. Особенно если она будет читать их в том же темпе.

«Площадь» располагалась в большом четырехугольном здании посреди пустынной парковки в двадцати минутах езды от города. В одиночестве она возвышалась среди озера из асфальта. Том вышел из машины и застыл, словно он тоже видел эту картину впервые. Потом покачал головой и пошел открывать дверь Саре.

– Мне стоит предупредить тебя насчет Энди и Карла, – сказал он. – Они это... вместе... Мы об этом не говорим. У нас это не принято.

– Я знаю, – сказала Сара.

Это Тома удивило, но спрашивать откуда он не стал.

В баре кроме них было только два посетителя. Один, судя по виду, спал, а другой постоянно зачерпывал арахис из миски на стойке. Сара не знала, что люди в США носят ковбойские шляпы, и с энтузиазмом повернулась к Тому, чтобы прокомментировать это. Но его усталый взгляд сказал, что сейчас не самый лучший момент.

Знаком он велел Саре идти дальше по направлению к стойке. Он пошел за ней. Сара осторожно забралась на барный стул. Том же легко взлетел на соседний, словно это не составило ему никакого труда.

При появлении Энди он впервые по-настоящему улыбнулся. Сара подумала, что улыбка делает его моложе.

Голос Энди она узнала, но он оказался совсем не таким, каким Сара его представляла. Единственной узнаваемой чертой был его взгляд. У Энди был взгляд мальчика, готового к приключениям и все еще ждавшего от жизни чего-то нового и интересного.

Он улыбнулся Саре так, словно был уверен, что они понравятся друг другу. Улыбка у него была заразительная. После этого он перевел взгляд на Тома и так многозначительно посмотрел, что Сара покраснела, а Том начал двигать стул подальше от нее.

– Добро пожаловать в «Площадь»! – поприветствовал Энди. – Исторический памятник, место встреч, неиссякаемый источник спиртного, сердце Броукенвила задолго до моего появления здесь!

Сара моргнула.

– Я приобрел его... – Он вопросительно посмотрел на Тома: – Семь лет назад? Или раньше? Он мне достался от Абе. Абе был без ума от музыки кантри. И его можно понять.

– В здешних краях всегда любили кантри, – согласился Том.

Сара немного расслабилась. Видно было, что ей было необязательно участвовать в разговоре. Энди было достаточно его присутствия.

– Жена бросила его, – сообщил он, наклоняясь ближе. – Но утешения он стал искать не у Кэша, Уильямса или Нельсона. Нет, он обратился к Долли, Эмме-Лу, Пэтси, Лоретте и Тэмми. Пять лет их горестные песни создавали атмосферу в «Площади», пока не появились «Дикси Чикс».

– Ради бога, Энди...

– Он первым сжег их пластинки в зеленой бочке на заднем дворе. Она до сих пор там стоит. Я ее сохранил на память. А неделей позже он скончался. Никто так и не понял отчего. И я вернулся из Денвера, взяв с собой Карла.

– И здесь снова зазвучало кантри, – продолжил Том.

Музыка и сейчас играла, но Сара не разбиралась в стилях.

– И так мы тут и остались.

Том заказал два пива. Сара попыталась заплатить, но безуспешно. Несмотря на то, что она положила на стойку банкноты, Том достал кошелек в полной уверенности, что Энди не даст ей платить. Было что-то печальное в том, что за твое пиво платит мужчина, которому ты не нравишься. Том сидел рядом и молчал. Вид у него был такой, словно он предпочел бы быть где угодно, но только не здесь, рядом с ней. Сара пригубила пиво. Она уже сто раз пожалела, что приехала.

– Карл! Иди поздоровайся с туристкой!

Сара повернулась к двери и застыла, не донеся кружку до рта. Карл действительно был красив до неприличия. Он словно сошел с обложки любовного романа. Конечно, вместо шелковой рубашки, на нем была простая белая футболка. Но это не спасало. Сара попыталась скрыть свои эмоции, протягивая ему руку.

Но ей надо было как-то изобразить радость от встречи с новым человеком, и она выдавила улыбку. Карл пожал ей руку и быстро сбежал, словно боясь, что Сара на него набросится. Теперь их разделяла барная стойка. Его можно было понять. С такой внешностью ему, наверное, часто приходилось бегать от женщин.

– Как с обложки любовного романа, – пробормотала Сара себе под нос.

Том подавил смех.

– Ты много романов читаешь? – спросил он.

Энди с Карлом недоуменно переглянулись, не понимая, к чему он это. Интересно, он сам прочел хоть один, подумала Сара.

– Все женщины когда-нибудь читали любовные романы, – ответила Сара. – Издательство «Арлекин» продало шесть миллиардов книг. В месяц у них выходит около сотни новых наименований. Только в одной Швеции они продали около полутора миллиона книг. И это при населении в девять миллионов. Поверь мне, – продолжала она, – даже если предположить, что существуют сумасшедшие, скупающие их сотнями, статистика говорит о том, что

каждая женщина хоть один да прочитала. – Она посмотрела на Тома. – И немалое число мужчин тоже.

Том явно был в шоке от полученной информации. Сара пожала плечами:

– Я работала в книжном магазине.

– И много романов вы продавали?

– Вообще-то нет. Разве что «Клан пещерного медведя».

Энди налил им еще по кружке пива и покачал головой при виде протянутых Сарой денег.

– Итак, Сара, что ты тут делаешь? – спросил он, явно желая закрыть книжную тему.

– Я в отпуске, – уверенно ответила Сара. – И мне нужно поговорить с кем-нибудь о доме Эми. Я живу там бесплатно. Это неправильно.

– А кому ты хотела заплатить? Тому?

Тому весь этот разговор был явно не по вкусу. Но Сара продолжала настаивать. Нельзя просто так жить там, без разрешения.

– Эми хотела, чтобы ты там жила, – сообщил Энди.

– Но тогда должен быть кто-то, кому я могу за это заплатить?

– Она бы тебе не позволила платить, – возразил Энди.

– Но мы с ней договорились. Она обещала, что возьмет деньги. Я не могла заплатить ей книгами, поскольку САС разрешает провоз багажа не больше двадцати трех килограммов.

– Она бы не позволила тебе платить, – не сдавался Энди. – И потом, какое это имеет значение? Эми хотела, чтобы ты остановилась в ее доме. Она так долго болела, что, приглашая тебя, должна была знать, что может и умереть до твоего приезда. Извини меня, Том, но это так. Честно говоря, я думаю, она все прекрасно знала.

– Знала, что умрет? – тупо спросила Сара.

Неужели Эми знала?

Она судорожно сжала кружку с пивом.

– Она была больна, – ответил Энди. – Много лет. В последнее время не вставала с постели. Никто не удивился, когда она умерла. Кроме тебя, конечно.

Зачем Эми ее пригласила, зная, что может умереть? Разве людей приглашают на свои похороны? Сара чувствовала себя преданной. Мысль о том, чтобы жить с кем-то два месяца, ее пугала, но что-то в письмах Эми, может ее любовь к книгам, заставило Сару рискнуть.

– Может, тебе стоит поехать в Хоуп? – предположил Том. – Там есть неплохой мотель. Может, там тебе будет удобнее.

– Хоуп! – воскликнул Энди. – Зачем, когда у нее здесь есть дом, и совершенно бесплатно?

Он налил ей новую кружку пива и подвинул вместе с маленьким стаканом. Сара понюхала и сморщилась. Виски. Может, алкоголь поможет? Она опрокинула стакан, закашлялась и кивнула Энди налить еще.

За стойкой светился холодильник с рекламой пива «Курс» и «Бадс», украшенный гирляндой из цветных фонариков. Вид у него был весьма праздничный. У Сары перед глазами заплясали цветные огни.

– Тебе нет нужды здесь задерживаться, – сказал Том.

Голос его словно шел издалека. Как можно пригласить кого-то в гости, когда знаешь, что скоро умрешь? Это уму непостижимо. Сара глотнула еще виски.

– Это ведь ты всегда защищал Броукенвил. Даже в юности не хотел отсюда уезжать. Я хотел в гей-клубы. Клэр хотела свершений. Но ты всегда хотел остаться здесь и помогать папе...

– Он умер, – произнес Том.

Сара подняла глаза.

– Мне жаль, – пробормотала она.

Голова кружилась.

– ...с огородом.

– Он продан.

– Помогать Майку с фирмой. Ты всегда был предан этому городу.

Том явно устал от этого разговора.

– Почему ты решила сюда приехать? – спросил он Сару, но та не ответила. Может, стоит напиться, думала она, хватаясь за пиво. Никогда раньше она не напивалась допьяна. И не знала, решит ли это ее проблемы. Другим это, во всяком случае, помогало. Правда, коллеги только наживали новые проблемы, когда пили...

– Сара?

Она моргнула.

– Еще пива?

Сара кивнула.

– Так как ты здесь оказалась?

– Из-за Эми. А что в этом странного?

– Ты вообще знала, где находится Айова?

– Конечно

– И что еще ты знала?

Сара хотела было сказать, что знает, что его отец когда-то издавал газету, но в последний момент решила, что не стоит.

– Я знала, что у вас в Айове был кот, – сказала она. – Библиотечный кот, – добавила она, не получив ожидаемого эффекта. – Дьюи Читайбольшекниг. Вы его помните?

– Боже мой, – вздохнул Энди. – В Спенсере был такой. Откуда тебе это известно?

– Об этом есть...

– ...книга, – закончил за нее Том.

Сара выпила еще виски. Под конец Том вынужден был помочь ей слезть со стула. Сара чувствовала, что пьяна, но не чувствовала, чтобы это решило какие-то проблемы. Она испытала разочарование. Зачем люди пьют, если это не дает утешения.

Том усадил ее в машину и помог пристегнуть ремень безопасности. Сара смотрела на него, гадая, что он за человек. Иногда он казался добрым и вежливым. Иногда – холодным и отстраненным. Она нахмурилась. Том напрягся под ее пристальным взглядом.

– Ты же можешь быть приятным, – заметила она.

Он улыбнулся.

– Случается.

Сара кивнула.

– Так я и думала.

Она прижалась головой к холодному стеклу и зажмурилась.

Том довел ее до двери.

– Дальше справишься сама? – спросил он.

– Конечно, – уверенно ответила Сара.

Алкоголь придал ей мужества. Фантастическое ощущение. Но, может, не виски, а предательство Эми сделало ее смелей. Если эта женщина знала, что умрет, и обманула Сару, то нет причин испытывать угрызения совести за то, что она живет в ее доме бесплатно. С этими мыслями Сара вошла в дом Эми как в свой собственный.

Сейчас она пойдет и ляжет спать. А утром решит, что делать дальше. Но проходя мимо двери в спальню Эми, Сара остановилась.

Нет, она недостаточно пьяна для этого. Но внезапно ее осенило. Книги! Где-то же в доме должны быть книги! У нее с собой всего тринадцать книг. Больше не поместилось. Ей даже пришлось выложить немного одежды и обуви. Но для двух месяцев это слишком мало. И к тому же одну Сара уже прочитала. Она взяла эти книги в качестве старых добрых друзей. Но ей нужны были новые интересные знакомые.

Она заколебалась. Потом усмехнулась своей трусости и медленно открыла дверь. Почти всю комнату занимала большая кровать. На нее Сара и опустилась и огляделась по сторонам.

Комната Эми была похожа на библиотеку мечты. На этой кровати, очевидно, Эми проводил свои дни, умирая от «недуга». Все стены с пола до потолка занимали книжные полки. Ночной столик тоже сгибался под грудой книг. Сверху лежал альбом со снимками Айовы с воздуха. На обложке остались круги от стакана.

Кто-то убрал стакан, заправил кровать, пропылесосил, но в комнате все равно было душно. Только на стене с окном не было книжных полок. В окно видно было дерево. Комната закрылась перед глазами.

Тысячи книжных корешков разной толщины и разных цветов. Тонкие книги, толстые книги, книги в дорогих супер-обложках, дешевые покеты, классические твердые переплеты, кожаные переплеты. Море разных жанров. Некоторые расставлены по алфавиту, остальные – явно бессистемно.

Сара сидела на кровати и впитывала истории, которые они ей рассказывали.

Тут было полное собрание Джейн Остин, включая биографию и письма. Все книги сестер Бронте, хотя Эми явно предпочитала Шарлотту. «Джейн Эйр» в трех изданиях. «Вилетта», биография. Биографии американских президентов, даже республиканцев, толстые книги о движении за гражданские права чернокожих.

Пол Остер, Гарриет Бичер-Стоу, множество книг Кэрол Джойс Оутс, пара Тони Моррисон. Собрание сочинений Оскара Уайлда в одной книге, несколько томов Диккенса, но ни одного Шекспира. Все книги о Гарри Поттере в твердом переплете. Все книги Энни Пру, которую Сара обожала. «Корабельные новости» в твердом и мягком переплете. У всех книг был зачитанный вид.

Несколько книг Филипа Рота. «Ночь нежна» Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда. Несколько детективов: Дэн Браун, Джон Гришэм, Ли Чайлд, которым Сара обрадовалась почти как Пру.

Тут был «Эрагон» Кристофера Паолини – все три части. На этом Сара вынуждена была остановиться и прилечь на кровать.

Может, жизнь у Эми и не была особо насыщенной. Но видно было, что она боролась со смертью до последнего. Теперь Саре понятно было, почему подруга до последнего отвергала мысль о смерти. Наверное, ей было невыносимо думать о том, сколько книг ей никогда больше не придется держать в руках. Сколько рассказов пройдут мимо нее. Сколько старых любимых писателей она не сможет открыть для себя заново.

Всю ночь Сара просидела в библиотеке Эми, думая о том, что книги бессмертны, а люди – нет, и в этом и состоит трагедия. Ей жаль было эту женщину, с которой они никогда не встречались. Эми никогда не сможет прочитать последнюю из книг про Эрагона.

Сара Линдквист
Корнвэген 7-1
13638 Ханинге
Швеция

Броукенвил, Айова, 26 февраля 2010 года

Дорогая Сара!

Я согласна с тобой по поводу Библии. Удивительно, что ее никогда не редактировали. Жаль – в ней столько занятных историй. Но к третьему-четвертому Евангелию читать одно и то же порядком надоедает. Наверное, потому что уже знаешь, чем все закончится. Мне самой всегда больше нравился Ветхий Завет. В те времена все было по-другому. Если бы мой отец хотел пожертвовать меня Богу, я бы, наверное, стала возражать. Конечно, моему отцу это и в голову бы не пришло. Он был похож на Джимми. Слишком добрый. Часто себе во вред. Иногда мне кажется, что Тому удалось избежать этого семейного проклятья. Не пойми меня превратно. Том очень мил. По отношению ко мне. Но он знает себе цену. И с другими соблюдает дистанцию, что не удавалось ни Джимми, ни папе. Они и умерли оба молодыми.

Надеюсь, ты простишь меня, если я скажу Каролине, что у тебя есть Библия и что ты ее прочла. Боюсь, Каролина не из тех, кто оценит литературно-критический подход к Священному Писанию. Она держит нашего священника Уильяма Кристофера на коротком поводке. Она бы и Богом могла управлять, снизойди он до посещения Броукенвила. Кстати, в том, что касается Бога, кому-то давно пора это сделать. Надеюсь, этот разговор останется между нами, если тебе когда-нибудь доведется общаться с Каролиной.

*С наилучшими пожеланиями,
Эми Харрис*

Утешение в «Бриджет Джонс»

– Вокруг масса возможностей для экскурсии. – Голос Джен, словно молоток, вбивался в мозг Сары. – Например, у нас есть река. Как насчет пикника на исходе лета? Я могу сказать Тому взять с собой местную еду. И вы хорошо проведете время, наслаждаясь красотами Айовы.

– Нет, – простонала Сара, закрывая рукой глаза. У нее болела голова с похмелья. И она не испытывала потребности еще раз выставить себя душой перед Томом. Она проснулась в постели Эми, с онемевшим от неудобной позы телом. Вместо подушки у нее всю ночь лежали под головой книги Ли Чайлда. Сара потерла щеки. Надо проверить, не отпечатались ли у нее на лице буквы «Я уйду завтра».

– Он может тебя свозить лесной пожар посмотреть. – На Джен было нежно-розовое платье в стиле Джеки Кеннеди, придававшее ей свежий вид. – Общество охраны собирается один организовать.

– Лесной пожар?

– Да, это необходимо для очистки леса от сушняка, – пояснила Джен. – Разумеется, пожар будут контролировать. Наверняка любопытное зрелище. Том может тебя отвезти.

– Нет, – ответила Сара и застыла. Она медленно подняла глаза на Джен – впервые с начала их разговора. Вгляделась в полное энтузиазма лицо Джен, обдумала ранний визит и множество предложений, где везде фигурировал Том. Сара резко выпрямилась. Она достаточно прочитала книг, чтобы догадаться, что Джен пытается свести ее с Томом. Эта мысль вызвала у Сары улыбку. Она и Том?

– Лесная прогулка? – не сдавалась Джен.

– Нет, – улыбнулась Сара.

О чем они там вообще думают? Сара самый заурядный человек. А Том – отнюдь нет. Сара старалась не осуждать его, но инстинктивно не доверяла привлекательным людям. Это было у нее еще со школы. Почему-то привлекательная внешность всегда говорила о недостатке интеллекта и хороших манер. Разумеется, есть вероятность, что она ошибается в отношении Тома. Все-таки он мог быть приятным. Да и заурядная внешность тоже не всегда гарантировала хорошее воспитание.

Улыбка исчезла с лица Сары. А что, если они то же самое предложили ему? Может, он поэтому так неохотно отвозил ее в бар? Может, он тоже считает себя жертвой безумного плана Джен и Энди. Энди производил впечатление человека, который легко может на такое согласиться. Неудивительно, что Том был настроен скептически. Зачем она только назвала его приятным?

Сара решила сменить тему разговора.

– Ты нашла кого-нибудь, кому я могла бы платить за аренду? – спросила она, и вид у Джен сразу стал совершенно несчастный.

Джордж взял за обыкновение заглядывать каждое утро к Саре, чтобы узнать, не нужно ли отвезти ее в город. Делал он это по дороге от Грейс. Свои новые обязанности шофера он воспринял крайне серьезно.

Сегодня Сара сидела и читала на веранде, прикрыв ноги покрывалом. Отложив книгу, Сара смотрела, как он присаживается рядом.

– Что ты читаешь? – спросил Джордж.

Сара показала обложку.

– «Дневник Бриджет Джонс».

Он кивнул так, словно что-то понял.

– Кофе? – спросила Сара. – С молоком и сахаром? Хотя не знаю, есть ли у меня молоко.

– Ничего страшного, – ответил он. – Я могу пить и черный тоже. Без проблем.

– Но обычно ты пьешь с молоком и сахаром?

– Не всегда.

– Думаю, тебе нравится с молоком и сахаром.

– Дело тут не столько в молоке и сахаре, сколько в выборе, если ты понимаешь, о чем я. Она прекрасно понимала.

– Иногда мне кажется, что в жизни слишком часто приходится выбирать, – продолжал он. – Это сложно.

Он наклонился вперед, чтобы лучше видеть Сару, и сказал:

– Иногда мне хочется заболеть, чтобы целыми днями лежать в кровати и ничего не делать. Не принимать никаких решений.

– Для этого и нужны книги, – улыбнулась Сара. – Они позволяют ничего не делать.

– Правда?

– Конечно. – Хочешь взять почитать?

Сара сказала это в шутку, но Джордж ответил крайне серьезно.

– Книгу?

– Да, книгу.

Может, это и не самая плохая идея, подумала Сара.

– Ту, которую ты читаешь? Она хорошая? – Он быстро добавил: – Разумеется, после того, как ты ее дочитаешь.

– Я уже читала ее пару раз.

Пару? Сара, кого ты обманываешь? Раз двадцать, наверное.

– Пару раз? Тогда она, наверное, хорошая.

Сара со смешанными чувствами протянула ему книгу. Остается надеяться, что она не отвратит его от чтения навсегда. В следующий раз надо будет предложить ему что-нибудь мужское. Какой-нибудь триллер. Например, Майкла Коннели. Мужской мир, полный насилия и полицейских-алкоголиков. А может, лучше не Коннели. Но трудно будет найти детектив без проблем с алкоголем.

Она посмотрела на Джорджа. До Джека Ричера ему было далеко. Но Ричер пил только пиво, так что что-то общее у них было. Сара начала думать дальше.

Джордж с сомнением разглядывал книгу. На обложке Бриджет сидела на подоконнике и курила. Это было одно из первых изданий – до выхода фильма.

– Можешь оставить себе, – предложила Сара.

Джордж неуверенно опустил книгу на колени.

– Тебя куда-нибудь отвезти? – спросил он, словно желая тут же отблагодарить за книгу, что было странно, поскольку он уже много возил ее, не требуя ничего взамен.

– Джордж? – спросила она медленно. – Есть одна вещь, с которой мне нужна помощь. Газовая плита.

Он встревожился.

– Она не работает?

– Я не знаю, как ей пользоваться.

На лице его появилось облегчение.

– Я знаю, – ответил он и пошел в дом.

...После того, как тайна плиты была разгадана, Джордж отвез Сару в город купить продукты для готовки. Он высадил ее возле лавки недалеко от закусочной Грейс, а сам отправился за третьей чашкой кофе за день.

Когда-то в лавке продавались железные инструменты и прочие хозяйственные товары, которые нужны каждому фермеру и о которых мечтает каждый мальчишка. Теперь же она больше напоминала продуктовый киоск, где можно было купить молоток.

Колокольчик звякнул, когда Сара вошла в дверь, и мужчина за кассой поднял на нее глаза. Непонятно было, заметил ли он вообще ее присутствие или действовал на автомате. Сара заколебалась в дверях, словно ожидая знака, например, от Эми, что ей делать или говорить. Наконец Сара нервно кивнула продавцу и вошла.

Лавка была по-своему приятной. Помимо старых удочек, молотков, гвоздей, болтов и отверток, здесь был холодильник с молочными продуктами и мясом. Пару полок занимали хлеб, консервы, печенье, сладости. Было тут и мороженое. Сара медленно ходила по лавке, выбирая то, что ей нужно: хлеб, мясной фарш, банку с томатами, яйца, которые продавали поштучно. Потом она направилась к кассе, с трудом удерживая свои покупки в руках, поскольку забыла взять корзину.

Судя по описанию, за кассой сидел Джон. У него были седые волосы и седая щетина. И он почти сливался с пыльными продуктами у него за спиной. Одет он был в костюм из толстой шерстяной ткани с высокими ватными плечами, в котором он просто утопал. Не говоря ни слова, он принял ее товары. Движения у него были механическими. Саре это напомнило ее собственную работу в магазине. В рождественские дни покупателей было так много, что у нее хватало сил только на то, чтобы на автомате продавать одну книгу за другой, повторяя дежурные фразы: «Еще что-нибудь?», «Подарочный пакет?», «Спасибо». Случалось, что в такие дни Сара ходила в кафе и, заказывая чашку кофе, по привычке говорила: «Спасибо. Вам нужен пакет?» У Джона в глазах было то же отчаяние, какое она тогда видела в зеркале. Наконец она протянула руку:

– Сара, – сказала она. – Гостя Эми.

Джон проигнорировал ее руку, но что-то прохрипел в ответ. Сара опустила руку.

– Ты, наверное, Джон?

– Да.

– Эми часто о тебе писала.

Это было глупо, но ничего больше Саре в голову не пришло. Непонятно было, слышал он ее или нет. Все его ответы были односложными и едва разборчивыми. Только когда она протянула смятые долларовые купюры, его взгляд сфокусировался на Саре.

– Нет-нет, – прохрипел он. – Я угощаю.

– Но это нехорошо, – запротестовала Сара.

Чашка кофе – это одно. Пиво тоже годится. Но консервированные томаты? Должны же они позволить ей заплатить хоть за что-то?

Но Джон отмахнулся от денег.

– Эми очень радовалась твоим письмам. Они много для нее значили. Особенно в конце.

Между лавкой и закусочной Грейс находился заброшенный магазин. В ожидании, когда Джордж допьет кофе, Сара стояла перед магазином, обхватив рукой свой настоящий американский бумажный пакет без ручек, и разглядывала улицу.

Что-то в этом магазине привлекло ее внимание, но она не могла объяснить что. Это был не единственный заброшенный магазин на улице. Половина из них пустовала, придавая городу ощущение покинутости. У города когда-то были амбиции. Дороги прокладывались широкими – для множества машин. Дома строились просторные – для семей с кучей детей. Магазины – для покупателей.

Может, этот магазин выделялся среди других тем, что у него все еще были целы витрины. И тем, что он вообще был в приличном состоянии. В нем, конечно, было пыльно, но

возникало ощущение, что закрылся он совсем недавно. Когда подошел Джордж, Сара спросила:

– Когда закрыли этот магазин?

Она наклонилась вперед и стерла пыль со стекла. Теперь можно было разглядеть стойку в середине и полки на стенах. Там были еще два стула, лампа на стене, но различить цвет стен было нельзя.

– Магазин Эми? – спросил он.

– Это магазин Эми?

Она забыла слово «был», но Джордж ничего не заметил.

– Конечно, – ответил он, теребя ключи.

Он огляделся по сторонам, словно боясь, что их кто-то услышит.

– Ее муж открыл его, и, хотя прибыли он не приносил, Эми все равно была счастлива, что хотя бы мужа не было дома днем.

Это прозвучало очень грустно, даже в устах Джорджа.

– Сразу после его смерти Эми его закрыла. Давно было пора.

Непонятно было, имеет ли он в виду магазин или мужа Эми.

– Давно это произошло?

– Пятнадцать лет назад, но она и после приходила сюда убираться. Не знаю почему. Сложно поверить, что она надеялась сдать его в аренду. Она перестала, только когда ей стало хуже.

Сара легко могла представить Эми убирающей год за годом магазин своего покойного мужа.

– Что тут продавалось?

На лице Джорджа явно читалась неприязнь.

– Хозтовары.

Больше он рассказывать не стал. Домой они ехали в тишине.

В тот вечер у Сары впервые была горячая еда собственного приготовления на ужин. Она ужинала, одновременно читая одну из книг Эми, которую пристроила перед собой.

Горячая еда придавала ей мужества. Сара даже не стала включать все лампы в доме с наступлением темноты, оставив свет только на кухне. У Сары появилось ощущение, что, может быть, она все-таки справится. Может, ей удастся, несмотря ни на что, провести здесь отпуск в компании книг. Ее первое приключение в жизни. Сара приехала сюда, чтобы побыть подальше от своей обычной жизни, побыть в отпуске, почитать, пообщаться с Эми... но было еще кое-что. Она хотела испытать что-то новое. Что-то важное. Хотела рассказывать малознакомым людям, что однажды провела два месяца в маленьком городе в США.

– Эми, – сказала она, – ты знаешь, что в США выходит 300 000 книжных наименований в год? И вот я здесь. Несмотря на все обстоятельства, Сара должна выдержать.

Она распределила книги по дому и, довольная результатом, устроилась в одном из кресел-качалок на веранде с чашкой чая.

У нее на коленях было три книги, но читать ей не хотелось. Сара наслаждалась шелестом листвы и скрипом старого дома. Книги Эми чудесным образом преобразили его. Теперь это снова был дом Эми, а Сара – ее гостьей. Первые дни Сара сильно нервничала от постоянных звуков, теперь же они придавали дому уют. Ветки, стучавшиеся в окно, составляли ей компанию. С ними Сара не чувствовала себя такой одинокой. Свист в трубах, хруст веток словно говорили о том, что в доме была жизнь или что он жил своей жизнью, несмотря на отсутствие хозяйки.

К девяти вечера на улице похолодало, но Саре было тепло в куртке под покрывалом. Сперва она заметила свет фар. Они осветили заросший сад, потом ее саму, а затем погасли. И только тогда Сара узнала машину Тома.

Он вышел из машины, но не стал подниматься к Саре. Скрестив руки на груди, он сказал:

– Я только хотел проверить, в порядке ли ты.

– Я выпила не так много, – заметила Сара.

Неужели она была настолько пьяна? Может, он решил, что она заодно с Джен? И хотел удостовериться, что она понимает, что ему это неинтересно. Она уже готова была заверить Тома, что не имеет ни малейшего желания встречаться с ним, когда Том продолжил:

– Ты, наверное, в шоке из-за Эми. Оказаться здесь в полном одиночестве – это должно быть ужасно.

Сара помахала книгой.

– Я нашла ее сокровища. И познакомилась с Джоном.

Почему-то эти две вещи в ее сознании были взаимосвязаны. Он кивнул, но ничего не сказал. Но не видно было, чтобы он торопился домой. Сара плотнее закуталась в куртку. Молчание становилось неловким. Он стоял у машины, освещенный только огнями из кухни, и поза его была напряженной. Но Саре все равно казалось, что сегодня атмосфера более спокойная, чем вчера. Может, это дом так на них повлиял. Может, он просто смирился с тем, что она была здесь. Наверняка дело рук духа Эми.

– Том, – сказала она, – Джордж рассказал мне о пустом магазине Эми.

Том кивнул.

– Джордж сказал, что там торговали хозтоварами?

– Джордж много болтает.

– Но ведь Джон держит такую лавку. И мне кажется, уже давно.

– Да.

– Так они были конкуренты?

– Муж Эми... он...

Том осекся и явно задумался. Потом поменял позу, облокотившись на капот. Взгляд его был устремлен на дорожку.

– Муж Эми был несчастным человеком. И злым. Много вызывало у него злобу. Например, Джон, из-за цвета его кожи и из-за того, что в городе к нему все относились хорошо...

Это прозвучало так, словно Том хотел сказать что-то другое, но она не отважилась спросить что. Том рассеянно провел рукой по машине.

– Муж Эми думал, что сможет с ним конкурировать. Безумная идея, потому что жители города любили Джона и не любили мужа Эми. Они уже много лет закупались у Джона, а до того – у прежнего владельца лавки и не собирались менять своих привычек. Они ходили в лавку, а не к продавцу. Так что это оказалось просто еще одной из его неудачных затей. И он быстро сдался.

Сара кивнула.

– В городе его не жаловали. После его смерти Эми стало жить лучше. Не думаю, чтобы вообще кто-то переживал из-за его кончины. Впрочем, и Эми особо никто не оплакивал, а она была прекрасным человеком.

Том улыбнулся. Улыбка была такой мимолетной, что она даже не была уверена, видела ли ее на самом деле.

– Я, во всяком случае, не оплакивал, – закончил он, явно давая понять, что тут не о чем больше говорить. Сара сменила тему разговора.

– Как вообще обстоят дела у здешних магазинов?

Том усмехнулся:

– Хороший вопрос. У большинства, разумеется, плохо.

– Но они не закрываются?

– Часть нет.

– Точно не «Уголок у Молли», – произнесла Сара и тут же пожалела. Она так и не решила, как ей относиться к письмам Эми. Люди не поймут, откуда она так много знает о них и о городе. Но Том только рассмеялся:

– Откуда, черт возьми, ты знаешь про Молли? – Слава богу, он не стал дожидаться ответа. – Он же уже лет десять как закрыт. Я был ребенком, когда она продавала там фарфоровых цыплят и все такое. Мальчишкам вход в лавку был запрещен. Не то чтобы нас это особо расстраивало. – Том покачал головой и двинулся к ней. Сара ничего не понимала.

– Поехали, – сказал он и показал на пассажирское сиденье. Сара продолжала сидеть. Заметив это, он улыбнулся уголком рта:

– Я хочу тебе кое-что показать. Это займет минут двадцать. А потом я отвезу тебя домой.

Никаких планов у Сары все равно не было. И стоял прекрасный летний вечер. К тому же Том явно решил быть любезным. Отложив покрывало, Сара подошла к машине и села на пассажирское сиденье.

Какое-то время тишину нарушали только шум мотора и скрип гравия под колесами. Том уверенно вел машину по узкой дороге, ведущей от дома Эми. Видно было, что он хорошо знает эти места. Когда они свернули на большую дорогу, Том включил радио.

Сара наклонилась к окну и разглядывала кукурузу в темноте. Фары освещали только небольшой кусок дороги, все остальное было скрыто во мраке. Они ехали прочь от города. Где-то позади них остались закусочная Грейс, лавка хозяйственных товаров, кинотеатр, но это трудно было представить, когда видишь перед собой только дорогу и темноту.

Том сбавил скорость. Они проезжали мимо невысокого холма, и он показал Саре свой дом. Одиноким современный одноэтажный дом на холме. Поблизости не было других домов.

Наконец машина свернула на дорогу поуже и остановилась перед старым двухэтажным домом из кирпича. Здания был обшарпанный вид.

– Моя бывшая школа, – сообщил Том.

Видно было, что здесь давно уже перестали учить. Крыша местами обвалилась. Стекла разбиты. В открытые окна машины проникал запах...

Том улыбнулся при виде ее сморщенного носа.

– Козы, – сказал он. – Последние фермеры разрешали козам здесь пастись. Школьный двор весь зарос. Так что им было где порезвиться.

Сара прошла за ним в дом. Сквозь дыру в потолке было видно темное небо и полную луну.

– В детстве мне казалось, что школьные годы никогда не кончатся. Школа была неизбежной, как смерть. Когда-то она терзала моих родителей, а теперь пришла моя очередь.

Сара огляделась по сторонам.

– Почему ее закрыли?

– Было слишком мало детей.

Она чувствовала на себе его взгляд. Его явно забавляло ее любопытство. Сара снова посмотрела на небо, стараясь не дышать носом. Здесь тоже пахло козьими экскрементами.

– Когда фермы разорились, люди переехали в города побольше. Раньше вокруг Брукленвила были деревни. Дети оттуда учились в этой школе. Теперь все ездят в Хоуп. Слишком мало детей для деревенской школы. Когда в следующий раз поедешь в город, посчитай, сколько ферм ты увидишь по пути. Добро пожаловать в Брукленвил, – добавил он. – Здесь больше ничего не осталось.

Сара повернулась к Тому.

Он стоял у окна, сунув руки в карманы, и иронически улыбался.

– Джон остался, – сказала она. – И Грейс. И Энди и Карл.

Том пожал плечами.

– Но не Эми...

– И не школа.

Сара вышла из здания и вдохнула. Снаружи пахло не только козами, но еще и сухой травой и землей. Том повернулся к фасаду и смотрел на то, что осталось от его школы, в свете луны и нескольких бессмертных звезд.

– Для меня это было первым знаком, что времена меняются, – сказал он. – Когда закрылся «Уголок Молли», я нисколько не переживал. Был еще один магазин бытовой техники, но он разорился после открытия большого супермаркета «Уолмарт» в Хоупе. К тому времени люди уже привыкли покупать товары в сетевых супермаркетах. Но закрытие школы я заметил. Тогда я был еще достаточно молод, чтобы верить, что все, что было у меня в детстве, будет существовать всегда, – улыбнулся Том. – Это было даже забавно. Папа уже умер к тому моменту. Не знаю, почему закрытие школы произвело на меня такое впечатление.

Том отвез Сару в дом Эми. По дороге они молчали. Когда Сара вышла из машины, он повернулся к ней и улыбнулся:

– Я уже десять лет не был в этой школе, – сообщил он.

Сара улыбнулась в ответ. Приятно было разделить с кем-то такой момент.

– Разумеется, – добавил он, все еще с улыбкой, – мне мешала подпольная лаборатория по изготовлению наркотиков, которая была за школой. Ненавижу тех, кто делает эту дрянь, и тех, кто ее покупает.

Сара не понимала, серьезно он говорит или шутит. Прежде чем закрыть дверцу, Том добавил:

– Я только хотел, чтобы у тебя не было иллюзий о городе. Чтобы ты потом не говорила, что тебя не предупреждали.

И снова непонятно было, шутка это или всерьез.

«Вот оно как, Эми, – сказала Сара сама себе, проверяя, все ли лампы погашены и все ли двери закрыты. – Нарколаборатория. Вот тебе и деревенская идиллия».

Сара Линдквист
Корнвэген 7-1
13638 Ханинге
Швеция

Броукенвил, Айова, 8 апреля 2010 года

Дорогая Сара!

Что касается твоего вопроса: мне кажется, я прожила счастливую жизнь. Мне повезло больше, чем другим. Меня окружали друзья и милые люди. Детей у меня нет, но, может, это и к лучшему. Во всяком случае, я давно с этим смирилась и особо не переживаю. У меня слишком много забот с чужими детьми, чтобы думать о своих. Взять Энди, к примеру. Отец ему достался не лучший, но у меня в доме всегда была для него кровать, если нужно было переночевать. И это я нашла пару сотен долларов, чтобы ему было на что прожить первое время в Денвере.

Конечно, у меня в жизни были огорчения. Но я никогда не отчаивалась. Иногда мне кажется, что важно, не какое горе человек пережил, а как быстро он с ним справился. Одни люди более склонны отчаиваться, другие – нет. Я видела, как люди переживают страшные вещи. Например, теряют

детей (моя мать потеряла двух детей между мной и Джимми, но, правда, в те времена в этом не было ничего особенного). Я видела, как люди сходят с ума из-за своих проблем. Горести словно проникают в них сквозь кожу и потом пожирают изнутри. Причем не важно, что именно случилось. Они реагируют так на любую проблему, даже самую мелкую. Это делает их горькими и мрачными людьми. Таких людей трудно жалеть.

Конечно, я не считаю себя от природы приятным человеком. Зато это избавило меня от многих проблем. Наверное, мне нужно исправиться, но возраст уже не тот. Старого учить – что мертвого лечить.

Ну да ладно. Я считаю, что жизнь и горести – это как крестьянин и дождь. Дождь нужен, чтобы урожай рос, но только в меру. А люди никогда не знают меры. Об этом можно говорить сколько угодно, но ничего все равно не изменится,

С наилучшими пожеланиями,

Эми

Взаимные услуги

С самого первого дня в Броукенвиле Сара чувствовала себя в долгу перед городом. Дело было не только в арендной плате, хотя это до сих пор ее беспокоило. Но, помимо этого, были еще кофе, пиво, гамбургеры, консервированные томаты...

Сара никогда не была сильна в экономике, и поэтому ей сложно было понять ту сложную систему взаимовыручки, связывавшую жителей Броукенвила, — она напоминала спутанную паутину на товарах в лавке Джона.

При этом видно было, что эта система хорошо работала, обходясь без контакта с внешним миром. Конечно, несколько клиентов из других мест заглядывали в закусочную Грейс, потому что жирная еда в ней была самой дешевой на километры вокруг. Кто-то заходил и в «Площадь», потому что даже в самых малонаселенных местах в пабах всегда будет народ. У кого-то в Броукенвиле были и работа, и зарплата. Благодаря этой наличности лавки и могли осуществлять закупку товаров. Те же, у кого денег не было, получали в долг и платили услугами. И лавки хорошо приспособились к этой ситуации.

Например, Джон продавал не так уж и много, потому что у немногих находились деньги на новое рыболовное снаряжение или набор отверток. Но ему и не нужно было постоянно пополнять товарные запасы. Так что, не продавая, Джон экономил деньги. До того, как слегла, Эми помогала ему распространять рекламу товаров, чтобы создать иллюзию жизни и развития.

Мадам Хиггинс держала единственный магазин одежды в городе. Она вообще ничего не покупала начиная с шестидесятых годов. Уродливые бальные платья никогда не выходят из моды. И каждой женщине рано или поздно такое понадобится. Но чаще всего надевали его один раз, а потом его можно было вернуть в магазин.

Но Сара понятия не имела об экономических отношениях в городе и, что хуже, не могла в них участвовать. Каждый раз она пыталась оплатить кофе или пиво, но ей не разрешали, и она страдала из-за того, что не знает, чем ей отплатить за доброту, если деньгами расплачиваться ей не дают. И каждый раз она, сама того не зная, все крепче запутывалась в паутине.

Последней каплей для Сары стала попытка Джорджа заплатить за ее обед. Безработного алкоголика Джорджа, который повсюду возил ее бесплатно.

Это было в закусочной Грейс, и Сара почувствовала, что надо настоять на своем. Она взрослая женщина и имеет право выражать свою точку зрения. Она заплатит за них обоих.

— Но... — промычал Джордж.

— Я плачу, — настаивала Сара.

Она достала деньги. На этот раз новые. В этот момент мимо проходила Грейс.

— Ну что ты, — улыбнулась Грейс. — Я угощаю.

Когда было нужно, Сара умела найти в себе решимость. Но в этот раз предпочла подождать.

Сара не стала платить. Сара позволила Джорджу отвезти себя домой. А остаток вечера провела, меряя шагами кухню и размышляя. Она обсудила арендную плату со всеми, с кем только можно. Она пыталась оплатить пиво и продукты. Но все безрезультатно. Желтый конверт с новыми долларовыми купюрами из обменника лежал нетронутый в комод. Что же делать?

На следующий день Сара снова отправилась в город. Раз ей не дают заплатить деньгами, значит, остаются услуги. Можно предложить свою помощь в городских магазинах. У нее есть время, есть опыт работы. Помимо работы в книжном, Сара еще проходила практику в школьной столовой и одно лето проработала на кладбище. Она хорошо умела пользоваться кассовым аппаратом. Она может работать по вечерам. Немного поработает и пере-

станет чувствовать себя в долгу перед городом. Начать надо с лавки Джона. А дальше зайти в «Площадь» и «Потрясающую Грейс». Наверняка Джон будет не против отдыха.

– Привет, Джон!

– Сара!

То ли ей показалось, то ли он действительно посмотрел на нее настороженно. Но как он догадался, о чем она собирается попросить? Может, он просто боится, что Сара будет спрашивать про Эми? Ощущение было такое, словно он буквально отстраняется от Сары. Но она все равно спросила.

– Я могу тебе с чем-нибудь помочь?

– Помочь?

Сара пожала плечами с таким видом, словно это самый естественный вопрос на свете.

– С чем угодно? Расставить товары? Посидеть на кассе? Я раньше работала в магазине.

– Но мне не нужна помощь.

– Разве ты не хочешь отдохнуть? Ты можешь меня всему обучить, чтобы я могла тебя заменить. И можешь отдыхать сколько хочешь. Я умею отключать и включать сигнализацию.

– У меня нет сигнализации.

– Тем более.

– И я не могу позволить себе нанять кого-нибудь, но если тебе нужны деньги... – он замолчал. Потом с несчастным видом добавил: – Ты говорила об этом с Каролиной?

– Нет, – поспешила ответить Сара. – Мне не нужны деньги. И с моей визой нельзя работать. Легально, по крайней мере. Я просто подумала, что тебе нужна помощь.

– Нет-нет, – заверил ее Джон. – Помощь мне не нужна. Вообще не нужна. Но спасибо, Сара. Если мне вдруг потребуется помощь, я к тебе обращусь.

Сара извинилась и вышла из магазина. Как же это тяжело – зависеть от других! Может, Грейс не стоит даже спрашивать? Сара решила отложить закусочную на потом и начать с бара. Может, с Энди ей больше повезет. Джордж отвез ее, но заходить не стал.

– Тут безопаснее, – объяснил он.

– Помочь? – удивился Энди. – Но нам не нужна помощь.

Сара оглядела помещение. В баре был только один посетитель. Он дремал над стаканом с пивом. Очевидно было, что помощь им не требовалась.

В свете дня Сара обратила внимание на новые детали – потертый пол, царапины на стойке, запах пива и пота, футболку «Айова Кабс» на стене, полицейскую инструкцию, как распознать наркомана.

– Но может, у вас есть работа? Мыть посуду? Убираться?

– Если тебе нужны...

– Мне не нужны деньги, – перебила Сара. – Мне нужно дело.

– Не знаю, как тебе помочь, – смутился Энди и предложил ей пива. Со вздохом Сара попыталась заплатить, но не успела даже кошелек раскрыть.

– Я угощаю!

Сара снова вздохнула.

– Виски? – с надеждой спросил Энди. – Обед?

– Джордж должен меня забрать, – ответила Сара и тихо сказала сама себе: «Это ненормально».

Вид у Энди был такой, словно он был полностью с ней согласен.

– Я слышала, что Саре нужны деньги, – сказала Энни-Мэй.

– Деньги? – повторила Гертруда, зажигая сигарету. Она курила жадно, делая глубокие быстрые затяжки, словно каждая сигарета была последней. – Как интересно.

Они снова сидели в закусочной Грейс с чашками кофе. Они уже давно освоили это искусство – провести несколько часов в кафе, заказав один только кофе. Секрет Гертруды был в том, чтобы дожидаться, пока кофе остынет, чтобы было меньше соблазна выпить его сразу. Энни-Мэй же старалась еще больше, чем обычно, походить на милую бабушку в надежде на бесплатную добавку. Обе делали вид, что не замечают, какими глазами на них смотрит персонал заведений или посетители, которым не хватило места.

Разумеется, когда они были у Грейс, и речи не могло быть о том, чтобы Грейс посмотрела на них недобрым взглядом. Проходя мимо них, она на автомате подливала кофе Энни-Мэй, выливая холодный кофе Гертруды и ставила перед ней новый горячий.

– Боже мой! – воскликнула Энни-Мэй с присущей пожилым людям интонацией, за что получила недовольный взгляд от Гертруды.

– Что я могу сказать? У всех бывают проблемы с деньгами.

На этом месте Грейс внезапно вышла из-за стойки и подошла к двери.

– Сара! – крикнула она. – Ты голодна? Могу я угостить тебя обедом?

Энни-Мэй и Гертруда прижались к стеклу в надежде, что Сара примет приглашение и они смогут как следует рассмотреть ее. До сих пор им это не удавалось. Если так и дальше будет продолжаться, придется выловить ее на улице и заговорить. Но Сара только виновато пробормотала: «Нет, спасибо» – и пошла дальше.

Гертруда покачала головой.

– Отказывается от бесплатной еды? Где ты такое видела?

Энни-Мэй мечтательно смотрела на улицу. Мужчина. Мужчина может решить все Сарины проблемы.

Том с Сарой не виделись с того вечера, когда он возил ее в свою бывшую школу. Увидев Сару в городе, он припарковал машину и пошел к ней, сам не зная зачем.

Том понятия не имел, что думает об этой женщине, которая постоянно читает. Ему было в новинку встречать человека, который настолько откровенно предпочитает книги людям. Но ему что-то надо было у нее спросить. На этот раз Сара не читала, но книга, как обычно, была зажата у нее под мышкой. Она стояла перед магазином Эми и вглядывалась в грязные окна.

– Тебе правда нужны деньги? – спросил он.

Сара выпрямилась и повернулась к нему.

– Деньги? Ну конечно, не нужны. Я же только приехала.

– Было бы странно, если бы ты приехала сюда без денег:

– Вот именно. Конечно, у меня есть деньги. Мне же не разрешают ни за что платить. Даже за квартиру.

Том никакого интереса к этой проблеме не проявил.

– И кому бы ты за нее платила? – спросил он.

– Господи боже мой! Почему мне нигде не дают платить? Ни за продукты у Джона, ни за кофе у Грейс, ни за пиво у Энди? И почему все думают, что у меня нет денег?

Было что-то милое в том, как она широко распахивала серые глаза и смотрела на него так, будто он может дать ответы на все вопросы.

– Полагаю, они считают тебя гостьей Эми. Нашей общей гостьей теперь.

– Но это же смешно. У меня есть деньги. Я могу платить. Как они вообще справляются, если всегда платят за других?

– Хороший вопрос. Но на самом деле в этом нет ничего смешного.

– Так когда я спросила, не нужна ли им помощь, они решили, что у меня нет денег. Но зачем платить за меня, если они не ждут ничего взамен?

– Помощь?

– Я могла бы помочь Джону в магазине или Энди с посудой в баре...

– Ты предложила мыть посуду? – спросил он, чтобы убедиться, что правильно расслышал.

Боже мой! Хотел бы он увидеть лицо Энди в тот момент. Но Сара вела себя так, как будто это абсолютно нормально.

– Да, я умею мыть посуду. И не только это. Я могу сидеть на кассе, могу расставлять товары по полкам. У меня большой опыт. В баре я, правда, не работала, но однажды помогала в школьной столовой, а там нужно было и посуду мыть тоже. А за кассой я провела много лет в книжном магазине.

– Не сомневаюсь, – сказал Том, стараясь не рассмеяться. – Но угостить кого-то пивом или кофе – это совсем не то, что заставить гостя потом мыть посуду.

Сара явно искала аргументы для возражения.

– Возможно, – призналась она наконец. – Но мне нужно что-то делать. Я не могу вот так жить за чужой счет.

– Тебе уже наскучило здесь?

– У меня такое ощущение, что я без работы уже целую вечность. Как я выдержу два месяца без какого-нибудь занятия? Не могу же я все время читать книги и пить кофе. За чужой счет.

Том бросил взгляд на часы. Он опаздывал на работу.

– Ты же знала, что это за город, когда ехала сюда?

– Да... – неохотно ответила Сара.

По ее лицу видно было, что знала она отнюдь не все.

– Но дело не в городе, а в отсутствии работы. У меня никогда не было такого долгого отпуска.

Сара отвернулась от Тома и снова уставилась в окно. Том посмотрел на часы. Ему явно пора идти. Сара уже и забыла, что Том рядом. Она думала о магазине. Жаль, что он пустует. Непонятно было, правда, почему ей жаль именно этот магазин, а другие нет. Половина магазинов в городе пустовали. Сара представила, что можно было бы продавать в этом магазине. Может, компьютерные игры? Нет, не годится. Может, пекарня? Всем нравится свежий хлеб. Но, возможно, в городе слишком мало людей, чтобы этот бизнес приносил прибыль. Тогда Сара представила «Старбакс». Нервные подростки в зеленой униформе за прилавком. Джордж, пытающийся выяснить, в чем разница между «декаф нон-фэт мока латте экстра шот эспрессо» и свежесваренным кофе. Она посмотрела на Тома. Вряд ли ему эта идея покажется привлекательной. Их глаза встретились. Том улыбнулся. Он явно думал о чем-то забавном, но не спешил делиться с Сарой своими мыслями. И в тот момент Сара почувствовала, как в ней зарождается идея. Слишком маленькая и хрупкая, чтобы о ней рассказывать или признаться самой себе в ее существовании, но яркая и определенная. Нужно было немедленно ее обдумать.

– Том, – спросила она, – ты не можешь подвезти меня домой? И у тебя нет номера телефона Джорджа?

– Нет, – ответил он.

И поскольку Том уже открывал дверцу машины, Сара решила, что ответ касался номера телефона Джорджа.

Сара Линдквист
Корнвэген 7-1
13638 Ханинге

Швеция

Броукенвил, Айова, 11 мая 2010 года

Дорогая Сара!

Я правда не могу сказать, кого из американских классиков тебе стоит почитать. Честно говоря, я, как и ты, настороженно отношусь к этому термину. Но иногда мне кажется, что литературные критики, составляющие списки классиков, делают это с изрядной долей юмора. Иначе как можно объяснить, почему они включили туда Марка Твена? Если это не шутка, то что? Скрытое оскорбление? Но в это сложно поверить. Только представь, что человек услышит: «Классика – это книга, которую все хвалят, но никто не читает», – а потом найти все свои любимые книги в этом списке.

Но, наверное, не стоит искать в этом деле справедливости. Одни писатели попадают в эти списки, другие – нет. Возьмем к примеру Марка Твена. Когда Том был маленьким, он однажды пришел ко мне домой и пожаловался, что ему нужно читать «Гекльберри Финна». «Гекльберри Финна»! И это учителя и критики виноваты в том, что дети не хотят читать эту восхитительную историю мужества и приключений, считая ее школьной обязателькой. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю. Преступление, которое совершают авторы этих списков, заключается не в том, что они не включают туда книги, которые того заслуживают, а в том, что они превращают увлекательные книги в нудное чтение на лето.

И все-таки я назову тебе несколько моих любимых американских книг. Но обещай не воспринимать их как обязательное чтение.

Пол Остер. Я предпочитаю «Бруклинское безумие» Нью-Йоркской трилогии, хотя немногие меня поддержат.

Летом я читала «Великого Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Когда я была молода, я читала его как «классику» и тогда не была способна отдать ей должное.

Но главной моей страстью являются американские писательницы. Может, потому что я сама женщина.

И все же ни одна книга так глубоко меня не трогала, как «Возлюбленная» Тони Моррисон. И ни одной писательницей я так не восхищаюсь, как Джойс Кэрол Оутс. Мне кажется, единственная причина, по которой она не получила Нобелевскую премию (чем там вообще Нобелевский комитет занимается? Ты не можешь с ними поговорить?), заключается в том, что она так много пишет. Критики-мужчины завидуют этой продуктивности. Она пишет быстрее, чем они критикуют. А как можно отрецензировать новую книгу, не прочитав пятьдесят предыдущих? Естественно, это задевает их мужское эго.

С наилучшими пожеланиями,

Эми

Книжный магазин

Сара начала с нижнего этажа. В кухне она нашла старые столовые приборы, которыми явно не пользовались последние полвека, а также кухонную утварь, назначение которой ей было непонятно. Нашлись там и скотч, бумага, давно высохшие ручки. В одном из кухонных шкафов обнаружили книги, но это были не сборники рецептов, а странная смесь научно-популярной литературы и детективов. Сара выбросила засохшие цветы с подоконника. Флажки с комода в коридоре она убрала в ящик, но фото Эми оставила. Сара уже привыкла здороваться с ней, приходя домой.

В гостиной она не нашла ничего интересного. Ни книг, ни ключей. Но в ванной она обнаружила три книги и бесчисленное количество банок с лекарствами.

Наконец ключи, которые она искала, нашлись в комнате Эми. Но когда Сара вышла со связкой в коридор, план вдруг показался ей идиотским. Номер Джорджа она нашла в старом блокноте рядом с телефоном. Он согласился заехать за ней, хотя на часах был уже девятый час, за что Сара была благодарна. Надо действовать быстро, не давая себе времени на размышления, чтобы не отказаться от этой идеи.

— Джордж, — спросила она, садясь в машину, — как ты думаешь, люди не будут возражать, если я... — она замолчала. — Я нашла эти ключи у Эми...

Джордж молчал.

— И я подумала... Я хотела бы посмотреть на магазин Эми. Думаешь, никто не будет возражать?

— С чего бы кому-то возражать? — ответил Джордж.

Они припарковались возле магазина. Дверь открылась легко и без скрипа. Сара пошла по стене и нашла выключатель. Лампа на потолке залила ярким светом заброшенный магазин. Значит, электричество Эми не отключала.

— Наверное, руки не дошли, — сказал Джордж сам себе.

Они оглядели помещение. Помимо мебели — прилавка, полки, двух стульев, — тут было пусто. Стены были грязно-желтого цвета, пол покрыт пылью. Сара поскребла его ногой, под грязью было темное дерево. Джордж прошел внутрь.

— Мне кажется, тут есть еще одна комната, — сообщил он.

Комната оказалась тесным чуланом. Там была раковина с парой грязных чашек.

На следующий день Сара надела свою самую деловую одежду: черные костюмные брюки и белую блузку с рукавами три четверти, — и отправилась в город. Но стоя перед кинотеатром и разглядывая афишу «Крепкого орешка», она вдруг подумала, что зря так разрядилась.

Рядом с ней стояла женщина в футболке с рекламой турнира «Кантри лайндэнсинг», прошедшего в Де-Мойне в 1987-м. И создавалось ощущение, что она этот турнир видела своими глазами. У женщины не хватало одного зуба. Сара заметила это, когда та ей улыбнулась.

Этой женщине явно нужна была помощь. У нее была кожа заядлой курильщицы и любительницы выпить и осанка человека, привыкшего много и тяжело работать за малые деньги. Саре хотелось разглядеть мешки у нее под глазами, унять дрожь в руках, помочь ей хоть чем-то. Позади них на углу улицы стояла группка подростков, которым явно нечем было заняться. А ведь они могли бы читать книги.

Нет, этому городу непременно нужен был книжный магазин.

– Книжный магазин? – спросила Джен. В голосе ее не было открытой враждебности, но видно было, что настроена она явно скептически. Энди же был откровенно удивлен и странно смотрел на Сару. Каролина сидела молча с непроницаемым лицом.

Сара стояла перед ними на сцене, уже жалея о своей затее. Ей хотелось спрятаться.

– Я хотела бы... – Она сглотнула и на одном дыхании выпалила свой план, боясь, что смелость ее покинет: – Я хотела бы открыть книжный магазин в бывшем магазине Эми. И продавать ее книги.

Дома Сара тренировала свою речь, но на публике это оказалось гораздо сложнее.

– Ты хочешь продавать книги Эми Харрис? – спросил Энди.

– Не за деньги, разумеется. Это не будет магазин в классическом понимании. И потом, виза не позволяет мне работать.

В посольстве США подчеркнули, что она ни при каких обстоятельствах не должна работать, но кто же знал, что все так обернется. Даже туристическую визу было сложно получить. Ей посоветовали получить визу на границе. Такая виза давала право пребывать в стране девяносто дней.

Сара, правда, спросила о продлении, но это только вызвало у них подозрения. Слово «продление» им явно не понравилось. К тому же им непонятно было ее желание поехать в маленький заштатный городок и задержаться там на пару месяцев. Они явно предпочли бы, чтобы Сара вообще не посещала их страну.

– Это будет наш книжный магазин, – продолжала Сара. – А я буду только там помогать.

– Наш книжный магазин, – повторил Энди. – Книжный магазин.

– Помещение надо будет привести в порядок, – сказала Джен. – Покрасить, например.

– Я могу это сделать. Или заплатить.

– А это не самая плохая идея, – задумчиво произнесла Каролина. – У нас столько заброшенных помещений. И ты же не собираешься регистрировать магазин.

– Но... – возразила законопослушная Сара.

Но Энди не дал ей закончить:

– Конечно, нет. Только подумай о налогах!

– Это необязательно, – заметила Каролина. – Он же будет открыт, только пока ты здесь. И я сомневаюсь, что он будет приносить прибыль. Так что налоговой службе о нем знать нет надобности. Но это вовсе не значит, что мы пытаемся кого-то обмануть, – добавила она таким тоном, словно подобный обман вообще невозможен.

Но жителям города было виднее. Сара всегда соблюдала правила. Особенно когда дело касалось налогов. Она даже не делала налоговые вычеты из страха быть обвиненной в мошенничестве. Но почему-то в этот момент Сара меньше всего думала о налогах и визовых правилах или любых других причинах, почему ей не стоило открывать книжный магазин в чужом городе. Ей хотелось отплатить городу за доброту его жителей. Книги прекрасно подходили для этой цели. И было очевидно, что город нуждался в книгах, хотя его жители это пока не осознали. Ей приятно было думать, что книги Эми найдут новых владельцев, что их снова будут читать, ими снова будут восхищаться. Можно еще заказать любимые книги Сары с «Амазона». Подержанные, конечно. Может, кто-то пожертвует свои старые книги. Начинать надо с малого. Деньги и время у Сары есть. Она может заниматься магазином. Энди и Джен переглянулись.

– Ты уверена, что хочешь открыть магазин? – спросил Энди. – Уверена, что не хочешь устроить летний пикник? Или поход в лес?

Джен закивала.

– Я хочу открыть книжный магазин, – твердо произнесла Сара, как утром уже заявила Джорджу. Все утро Сара думала только об этом, и когда Джорд приехал в половине девятого, она уже стояла на веранде и ждала его. Джордж только кивнул.

– Разумеется, это будет не мой магазин, – добавила Сара.

Она боялась, что люди решат, будто она хочет заработать денег на книгах Эми.

– Я только буду помогать. Пока я тут. Я раньше работала в книжном магазине и все про это знаю.

Это было вообще-то полуправдой. Сара никогда не была директором магазина. И у нее никогда не было своего бизнеса. «Мне кажется, это хорошая идея», – одобрил тогда проект Джордж. И он оказался единственным. Все остальные сочли ее план маленьким безумством, как выразился Энди, но тем не менее согласились встретиться с Сарой в магазине днем позже. Теперь же они мрачно разглядывали грязное помещение.

– Я хочу перекрасить стены, – объявила Сара.

В ее фантазиях магазин был оформлен в ярких тонах с большими уютными креслами и полками, ломящимися от книг в разноцветных обложках. Идеальное место для встречи с книгой.

– Тебе понадобится краска, – равнодушно произнесла Каролина. – Хотя, может, у кого-то остались лишние банки.

– Я хочу желтый цвет, – сказала Сара.

– Ярко-желтый, цвет радости, – процедила Каролина. – Полагаю, Джон может тебе с этим помочь, – добавила она неохотно.

– А я возьмусь за уборку, – вызвался Джордж. Все удивленно уставились на него. Он даже покраснел от такого внимания. – Я умею убираться, – добавил он уже с меньшей уверенностью.

Энди, Каролина и Джен, видимо, решили, что узнали достаточно, и начали расходиться. В магазине остались только Сара и Джордж.

И снова эта идея начала казаться безумием. Может, потому, что Саре больше не надо было изображать уверенность на людях, а может, потому, что теперь грязь в магазине стала еще заметнее. Она так много думала об уютном магазинчике своей мечты, что совсем забыла про реальность. А в реальности стены были грязно-желтые, а пол – серый. Они с Джорджем одни против столетней пыли и грязи. Непонятно было даже, с чего начать. Джордж явно не разделял ее сомнений.

– Начнем с окон, – заявил он. – Так у нас будет больше света и будет легче работать.

Сару он к окнам не подпустил.

– Нужно мыть как следует, иначе останутся разводы, – любезно пояснил он. Так что Саре ничего не оставалось, как менять ему воду. Джордж был неутомим. Он даже умудрялся шутить. А потом сказал:

– Знаешь, эта «Бриджет Джонс»... – Он сделал паузу, оттер трудное пятно и продолжил: – Неплохая книга однако. Но неужели женщины действительно так активно обсуждают мужчин?

Сара задумалась и поняла, что у нее нет ответа на этот вопрос.

– Может, только в Лондоне? – предположила она.

Он кивнул.

– Да, может, в Европе.

Когда они сделали перерыв на обед, Сара падала от усталости. Джордж к тому моменту уже превратился в полевого командира. Он разрешил обед только после появления в магазине Каролины. Против Каролины он пока еще идти не смел. А когда за ней появились Джен и Энди, он снова превратился в Беднягу Джорджа.

Они пообедали на улице перед магазином. Солнце ярко светило, несмотря на раннюю осень. Разгоряченная работой, Сара радовалась легкому ветерку. Грейс принесла им гамбургеры и медлила высказать свое мнение.

– Вам никогда не удастся открыть здесь книжный магазин, – сказала она. – Это безумие.

Никто не удостоил ее ответом.

– Книжный магазин, – повторила Грейс с таким выражением, словно готова рассказать еще один семейный анекдот.

Энни и Джен с тревогой посмотрели на нее. Каролина напряглась. И Грейс продолжила:

– Я рассказывала о том случае, когда торговцы Библией пришли к моей бабушке?

Все посмотрели на Каролину. Это была не самая подходящая для ее ушей история. Все знали, что к торговле Библией Каролина питает самые теплые чувства.

– Как вы уже много успели! – быстро нашлась Джен. С помощью этой банальности ей удалось спасти ситуацию.

– Очень много! – вторил ей Энди. – Но сколько еще осталось! Лучше сразу приступить. И они поспешили увести Каролину.

Джордж снова начал распоряжаться уборкой. Постепенно пыль в магазине начала исчезать, а в воздухе появился резкий лимонный запах чистящего средства.

На следующий вечер свежеотмытый деревянный пол закрыли газетами и заставили банками с краской. Под ногами у нее поскрипывали половицы. Пока сложно было поверить, что это помещение возможно преобразить. На часах было за восемь, но Джордж продолжал работать. Позже они устроили перерыв и сели на стулья перед магазином со стаканчиками кофе от Грейс в руках. Думали они о книгах и побежденной грязи.

Сара улыбалась. Вечером в городе чувствовалась жизнь. Он снова казался городом. Темные солидные дома вырисовывались на фоне темного неба. Сара знала, что отсюда в обе стороны идет бесконечная прямая асфальтовая дорога. Днем она готова была поглотить город, но вечером фасады сливались с асфальтом и становились одним целым. Днем весь город можно было проехать за минуту. Его можно было даже не заметить, если моргнуть в неподходящий момент. Вечером и ночью город требовал внимания.

– Тебе нравятся звезды? – спросил Джордж так буднично, словно речь шла о спагетти с фаршем.

На улице было тепло. Воздух напитан запахами позднего лета и ранней осени.

– Наверное, да, – ответила Сара.

На небе она не видела ни одного знакомого созвездия. Почему-то это давало ощущение свободы. Люди всегда стремятся организовать свою жизнь, подчинить правилам, но звезды им неподвластны. Когда Сара была маленькой, ее завораживало созвездие Большой Медведицы. Она думала, что Медведица похожа на персонаж диснеевского мультика. Но когда она теперь смотрела на небо, перед ней вырисовывалась картинка, больше похожая на тележку из супермаркета. Семь звезд на расстоянии в миллионы миль друг от друга. А людям нравится думать, что они складываются в картинку медведя. Или тележки из супермаркета. Или детской коляски.

– А я не знаю, – признался Джордж. – По сравнению с ними я кажусь себе таким крошечным. – Он улыбнулся. – А я и так всегда чувствую себя ничтожным. Но иногда мне приятны такие мысли. Например, что мы такие маленькие, что два человека могут одновременно стоять в разных городах и видеть одно и то же небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.